

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 902.01/904

<https://doi.org/10.24411/2587-6112-2020-10004>**«... КОЛЕСНИЦА МОЯ ПОЗЛАЩЕННА И КОНИ МОИ ТУЧНЫ ...»
(О СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ПОГРЕБЕНИЙ С ДРЕВНЕЙШИМИ ПСАЛИЯМИ
СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ)***Нет, мы не стали глуше или старше,
Мы говорим слова свои, как прежде...*

Иосиф Бродский

© 2020 г. В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов

В статье анализируется инвентарь погребений с псалиями в культурах эпохи бронзы степной Евразии. Сборник, куда был направлен первый вариант данной статьи, не печатался несколько лет. За это время авторы, продолжая следить за ситуацией, отмечали как исследованные новые комплексы, так и новую литературу. Долго лежавший сборник недавно вышел, но накопившаяся информация позволила предложить расширенную версию статьи, которая опирается на данные 106 погребальных комплексов. На основе собранных комплексов авторы пытаются выяснить общественное положение людей, которых погребали с псалиями. Собрана информация о погребениях с псалиями нескольких культур (синташтинская, петровская, потаповская, алакульская, покровская, доно-волжская абашевская) или культурных образований (нуртайские комплексы, зеравшанский вариант Бактрийско-Маргианского археологического комплекса). По ходу новой версии своей работы авторы проверяют, какие из их выводов выдержали проверку пусть небольшим, но временным промежутком и вносят корректировки в свои же более ранние построения. Проанализировав полученную информацию, авторы приходят к выводу, что чем больше захоронений с псалиями вводится в научный оборот, тем все более сомнительной становится гипотеза, согласно которой данные артефакты маркируют прежде всего носителей военной функции, сражавшихся на колесницах. Упряжь, положенная в могилу, была знаком высокого общественного положения умершего, но это мог быть не обязательно человек с военной функцией.

Ключевые слова: псалии, погребение, социальная структура, синташтинская, петровская, потаповская, алакульская, покровская, доно-волжская абашевская культуры, нуртайские комплексы, зеравшанский вариант Бактрийско-Маргианского археологического комплекса, колесница.

В 2012–2014 гг. и в начале 2015 гг. авторы работали над одной из своих совместных статей, пытаясь в ней рассмотреть общественное положение людей эпохи бронзы, погребенных с псалиями. Статья предназначалась для Уфимского археологического вестника, была написана, направлена туда, в начале 2015 г. немного переделана по запросу редколлегии¹ и «зависла». Сборник не выходил столь долго, что авторы пару раз решали в 2018 и в 2019 гг. перенаправить эту работу в иной сборник, но останавливались, получая

от уфимских коллег заверения, что очередной сборник УАВ вот-вот выйдет. В ряду иных проблем, которым посвящены наши совместные статьи, в творчестве образовавшегося триумвирата часто выделялась тема древнейших псалиев. Разные вопросы этой неисчерпаемой темы мы постоянно затрагивали по мере сил, как до статьи, направленной в Уфу (Подобед и др., 2010а; 2013; 2014), так и после (Подобед и др., 2016а; 2017; 2019). Заметим, что последняя из перечисленных работ (Подобед и др., 2019) начинала создаваться втроем, а краткий вариант должен был в виде доклада на конференции в ноябре 2019 г. уже вдвоем – за это время один из нашего творческого содружества ушел из жизни. Наконец, в феврале 2020 г. мы решили переделать давно

¹ Навязанная чиновниками от науки, занимающая много места в современных сборниках и практически никому не нужная транслитерация использованной литературы.

лежащую уфимскую статью для публикации в очередном выпуске «Археология евразийских степей». Дело в том, что с интенсивно выходящей в наше время археологической литературой, работы, долго лежащие в портфеле той и иной редакции, довольно быстро устаревают. Продолжая следить за вопросами, связанными с древней конской уздой, мы видели, что появляются новые комплексы, новые трактовки материала, новые наблюдения, на которые нужно было бы отреагировать в рамках тех вопросов, которые мы затронули в уфимской статье. Что-то мы попробовали внести в переделанную статью, одновременно убирая замеченные огрехи и более крупные свои ошибки. Но переделать всю работу нам не удалось, потому что сборник, на который мы почти махнули рукой, вдруг вышел и многострадальная статья увидела свет (Подобед и др., 2016б). К нашему удивлению, сборник был датирован 2016-м годом. Появились и более поздние выпуски, то есть уфимским коллегам удалось наверстать отставание, и будем надеяться, что в будущем задержки с выпуском очередных номеров довольно интересного регионального издания будут незначительны. Наши же планы с выходом сборника и статьи изменились: повторять весь текст уже лишено смысла, но мы решили дополнить историографическую часть работы, поговорив, в частности, о IV этапе осмысления захоронений с псалиями (Подобед и др., 2016б, с. 31–32), дать комплексы, которые появились за несколько последних лет и не вошли в таблицы нашей статьи, исправить ошибки в интерпретации некоторых материалов, убрать огрехи.

Литературу, посвященную погребальным комплексам с псалиями, мы разделили на четыре этапа. Кратко напомним о каждом из них и более подробно остановимся на последнем:

I этап. Приближение к постановке проблемы. Формально этот этап начался в конце XIX в. и продлился до середины 1970-х гг. (Подобед и др., 2016б, с. 28–29);

II этап. Формирование гипотезы о существовании в обществах степной Евразии эпохи бронзы социальной группы «воинов-колесничих» (1975 – середина 1980-х гг.) (Подобед и др., 2016б, с. 28–29);

III этап. «Колесничная эйфория» (вторая половина 1980-х – 1990-е гг.) (Подобед и др., 2016б, с. 29–31);

IV этап. Спад интереса к проблеме и распространение альтернативных трактовок. Начало этапа можно датировать первыми годами XXI в. Переход к нему был предопределен, на наш взгляд, двумя причинами:

1. Критические заявления скептиков (Подобед и др., 2016б, с. 30–31) несколько подорвали интерес к односторонним трактовкам захоронений с остатками повозок и деталями конской упряжи. Тем более, захоронений если не с колесницами, то, во всяком случае, с псалиями было открыто так много, что они утратили новизну и перестали вызывать те эмоции, которые имели место на протяжении конца 1970-х – большей части 1990-х гг.;

2. В изучении конской амуниции наметился крен к «вещеведению». Основное внимание стало уделяться типологическим построениям, хронологии, трасологии данных изделий, реконструкции конской упряжи и узды, поиску центров ее появления и путей распространения.

Падение интереса к социологической интерпретации захоронений с псалиями наглядно демонстрируют три сборника, специально посвященные тематике изучения псалий и колесниц эпохи бронзы (Псалии..., 2004; Происхождение..., 2008; Кони..., 2010). В статьях этих довольно интересных сборников мы практически не найдем пассажей на рассматриваемую тематику.

Тем не менее, и в рамках IV этапа вплоть до сегодняшнего дня некоторые авторы все еще продолжали писать о «воинах-колесничих» (Отрощенко, 2001, с. 44, 56 та ін.; 2005, с. 235; 2007, с. 206; 2009а, с. 66; 2013, с. 21; 2017, с. 48; Василенко, 2001, с. 73; 2005, с. 96–102; 2008, с. 136, 152, 154; Кукушкин, 2003, с. 54; Пряхин, 2003, с. 214; Волков, 2004, с. 35; Литвиненко, 2005, с. 46 та ін.²; Лопатин, 2005, с. 25; 2009, с. 76; Матвеев, 2005, с. 5; Матвеев и др., 2005, с. 145; Кузнецов, 2005, с. 179, 181; Григорьев, 2006, с. 202; Лапшин, 2006, с. 63; Юдин, 2007, с. 43; Бочкарев и др., 2010, с. 345; Чечушков, Епимахов, 2010, с. 182; Бочкарев, 2012, с. 19; Кукушкин, Ломан, 2014, с. 585; Сотникова, 2014, с. 79; 2016, с. 390, 404), «военной колесничной аристократии» (Отрощенко, 2002, с. 14), «колесничих» (Кукушкин, 2007, с. 63), «воинах колесничих» (Лысенко, 2008, с. 176), «загонів колісничних» (Отрощенко, 2009б, с. 18), «воинах-колесничих» (Худяков, Белинская, 2010, с. 50), о наличии «особого сословия – колесничих» (Новоженков, 2012, с. 271), «колесничих воинах» (Ильюков, 2013, с. 27), «воинах, в том числе

² Уточним, что Р.А. Литвиненко, не отрицая самой возможности использования боевых колесниц населением эпохи бронзы, решительно выступает против того, что это имело место в среде носителей бабинской культуры (Литвиненко, 2005; Литвиненко, Ляшко, 2018, с. 165; ср.: Усачук, 2013, с. 155, сноска 202).

и колесничих» (Хаванский, 2019, с. 234)³, и об использовании колесниц «кастой аристократов» в военной сфере (Самашев и др., 2007, с. 92), слоем «профессиональных воинов-колесничих» (Кочерженко, Слонов, 2010, с. 410), верхушкой, знатью древнего общества (Березуцкий, Золотарев, 2007, с. 178)⁴. При этом к захоронениям «воинов-колесничих» иногда причислялись комплексы, в состав инвентаря которых детали конской узды не входили, но где присутствовало оружие. Такой подход продемонстрировал, например, В.А. Волков (2004, с. 35). А.И. Юдин трактовал подобным образом «экстраординарные погребения» могильника Кочетное (2007, с. 143), где не было не только псалиев, но и предметов вооружения (Юдин, Матюхин, 2005, рис. 2; 3). В качестве критерия выделения захоронений «воинов-колесничих» использовалось и присутствие близ могильной ямы парных костяков лошадей (Кукушкин, Ломан, 2014, с. 585)⁵. А.И. Василенко посвятил колесницам II тыс. до н.э. большую работу. В ней он упорно связывал появление колесниц с носителями бабинской культуры и при этом считал необходимым различать боевые колесницы и колесницы-транспорт (2001, с. 62–75). Свои выводы по поводу того, что «бабинскую культуру следует рассматривать как древнейшую колесничную культуру» А.И. Василенко развил и в более поздней работе (2008, с. 154). К выводу о наличии у бабинцев клана колесничих близко подошел Л.С. Ильюков (2014; 2016).

³ В выводах, к которым пришел А.И. Хаванский, есть интересный нюанс: колесничие относятся к воинским погребениям, но исследователь не считает колесничих элитой общества: «среди синташтинских погребений мужчин выделяются две группы. Индивидуальные погребения мужчин группы 1, которые отличаются высокими количественными и качественными показателями трудозатрат. Их можно связать с социальной элитой. Мужчины из коллективных погребений (группа 2) – погребения воинов, в том числе и колесничих» (2019, с. 234).

⁴ Отблеск оружия бронзового века и «лязг боевых колесниц» чувствуются в качественно изданном не столь давно сборнике с характерным названием «Бронзовый век. Эпоха героев» (От редколлегии, 2012, с. 4; Кузьмина и др., 2012, с. 7) (ср.: Отрощенко, 2001, с. 43–44 со ссылкой на О.И. Прицака).

⁵ Эти лошади интерпретировались как символическая замена колесницы («круг погребений с так называемой «колесничной символикой», являющихся визитной карточкой синташтинско-петровской обрядности (Куприянова и др., 2020, с. 126)). Добавим, что одним из первых связал парные захоронения лошадей с боевыми колесницами А.Д. Пряхин (1972, с. 238).

Итак, в работах IV этапа продолжала тиражироваться идея о широком использовании боевых колесниц⁶ степными племенами рассматриваемого периода (ср. Anthony, 2007, р. 397, 399–400, 402–403, 405). Более того, высказывалось предположение о том, что военная функция колесниц являлась их изначальным практическим предназначением (Бочкарев и др., 2010, с. 345). Отдельные исследователи даже считали возможным именовать часть степных культур того времени (синташтинскую, петровскую, потаповскую, покровскую и доно-волжскую абашевскую) «культурами боевых колесниц» (см. напр.: Волков, 2004, с. 35), «колесничного круга (синташтинской, потаповской)», «колесничных культурных образований» (Купцова, 2016, с. 124, 128, 173) и «колесничными (колесничими) культурами» (см. напр.: Литвиненко, 2005, с. 37; Матвеев, 2005, с. 5; Бочкарев, 2012, с. 19; Отрощенко, 2007, с. 213; Ильюков, 2013, с. 27; Сотникова, 2014, с. 74; 2016, с. 404; Купцова, 2016, с. 135, 146; Лопатин, 2019, с. 24; Кузнецов, Чаплыгин, 2019, с. 228; и др.).

На фоне отмеченного произошло «вызревание» нового подхода к захоронениям с псалиями. Все больше сторонников стали приобретать трактовки, которые можно назвать альтернативными. Под таковыми мы понимаем гипотезы, не предполагающие жесткой связи псалиев и двухколесных повозок с военной сферой и социальной группой воинов-профессионалов. В частности, некоторые исследователи заостряли внимание на том, что детали конской упряжи далеко не всегда коррелируются с предметами вооружения (Дремов, 2003, с. 79; Мыськов и др., 2004, с. 137; Ткачев, 2004, с. 27; 2005, с. 70; 2007, с. 128; Цимиданов, 2009, с. 57). Строго говоря, это было ясно и раньше. Но если в работах III этапа отсутствие оружия во многих захоронениях с псалиями порой объяснялось тем, что люди, погребенные в данных могилах, являлись «возницами»⁷, то теперь звучали призывы не считать псалии воинскими атрибутами (Дремов, 2003, с. 80) и «отделить воинскую атрибутику от колесничной» (Ткачев, 2007, с. 128)⁸. Интересны наблюдения И.В. Ковтуна,

⁶ К примеру, И.В. Денисов говорит о боевой двухколесной колеснице (2000, с. 72), И.А. Кукушкин подчеркивает «превосходные боевые качества» колесничной запряжки (2010, с. 25).

⁷ В работах IV этапа эта гипотеза изредка еще озвучивалась (Пряхин, 2003, с. 214; Волков, 2004, с. 35; Лопатин, 2005, с. 23).

⁸ Ср. предложение В.А. Лопатина рассматривать псалии, выявленные в погребениях, как один из «универсальных знаков войны» (2009, с. 76), и мнение Н.А. Берсеновой о возможности отнесения псалиев к

который сопоставляет отношение к «колесничим» в разных социумах: «... после убийства ведийского коня его хвост отделяется ... третьей женой царя железной или медной ..., а по другой версии, бронзовой иглой, чтобы царь получил богатство скотом Поэтому смысловое значение этой части жертвы, вероятно, связывалось со статусом третьей жены царя, осуществлявшей ритуальные действия с конским хвостом. Ее эпитет – «оставленная» или «отверженная», а сопровождают ее дочери «колесничих», «конюхов» и сельских старейшин. ... Не обобщая иерархический уровень подобного представительства, очевидно, что манифестацией украшенного (заплетенного, перевязанного) хвоста жертвенного коня олицетворялась социальная группа, включавшая лиц, причастных к коневодству и лидеров первичных родовых и (или) территориальных сообществ. ... такая проекция позволяет судить о социальной структуре ростовкинской группировки сейминско-турбинских металлургов. «Прическа» хвоста ростовкинского коня означает заявленный, но сравнительно невысокий статус коневодов и глав первичных социальных объединений. Вероятно, эти «сословия» уступали первенство представителям пешей воинской и металлургической элиты, а также лицам со жреческими прерогативами. Такой социальный статус «колесничих» категорически расходится с их неоднократно отмечавшимся привилегированным положением в индоарийском обществе эпохи Ригvedы ... Поэтому соотнесение «колесничих» и «конюхов» с хвостом жертвенного коня и третьим по значимости общественным рангом отражает архаику протоведийского состояния, восходящего к Ростовке и археологически бесколесничному сейминско-турбинскому комплексу. Симптоматично иная ситуация хронологически параллельно сложилась в протоавестийских ираноязычных аркаимо-синташтинских сообществах, где, судя по погребениям, «стоящий на колеснице» мог рассчитывать на большую степень общественного признания (Ковтун, 2012, с. 39–40). Одновременно усилилась тенденция причислять лиц, погребавшихся с конской упряжью, к носителям властной функции. Так, Н.М. Малов именовал их «вождями-героями», «лидерами-героями», «бигменами», «чифменами» (2003а, с. 200). В работе Е.П. Мыськова, А.В. Кияшко, Р.А. Литвиненко и А.Н. Усачука комплекс с псалиями из Бараниково был интерпретирован как захоронение

предметам вооружения (2013, с. 39). Правда, позже Н.А. Берсенева к категориям инвентаря, которые «бесспорно связанные с военной деятельностью» отнесла «топоры, наконечники копий, булавы» (2019, с. 118).

лидера, власть которого носила не военный, а административный характер (2004, с. 137). А.А. Гамолин, говоря о синташтинских погребениях с остатками колесниц, пришел к выводу, что это были не «боевые колесничие», а те, кто «занимал видное положение в обществе, был лидером, членом «светской элиты» (2001, с. 224–225). В.В. Ткачев предположил, что захоронения с «колесничной атрибутикой» маркируют обособленную социальную группу, но подчеркнул, что данные комплексы «не могут быть однозначно истолкованы только как погребения военной знати» (ср. с цитированным выше мнением А.И. Хаванского). По мнению автора, подобные захоронения «свидетельствуют о структурированности элиты» и при их интерпретации следует учитывать весь состав погребального инвентаря (Ткачев, 2004, с. 27–28). Рассматривая захоронение из Танабергена II, 7/22, В.В. Ткачев увидел среди присутствовавших в нем артефактов атрибуты военного предводителя, служителя культа и носителя светской власти и сделал вывод, что в данной могиле был погребен «глава конкретного коллектива, оставившего этот некрополь» (Ткачев, 2007, с. 132–134). А.В. Логвин и И.В. Шевнина, проанализировав инвентарь погребения 140 из Бестамака, где, по их мнению, имелись следы от колес колесницы, высказали предположение, что умерший «был вождем, причем, по всей видимости, как в мирной, так и в военной жизни» (Логвин, Шевнина, 2008, с. 193).

Отстаивалась также точка зрения, согласно которой спектр использования двухколесных повозок мог быть довольно широк, включая и их обрядовое применение (Дремов, 2003, с. 80; Бандрівський, 2003, с. 16⁹; Усачук, Ляхов, 2006, с. 106; Кожин, 2007, с. 197; 2015, с. 5; Епимахов, 2008, с. 93¹⁰; Чечушков, Епимахов, 2010, с. 182; Моисеев, 2011, с. 249; Новоженнов, 2012, с. 118, 359; Отрощенко, 2013, с. 20; Сотникова, 2016, с. 391–392; и др.). В частности, Н.Б. Виноградов, не отрицая возможной принадлежности представителей синташтинских социумов, погребавшихся с оружием и двухколесными повозками, к военной элите, пришел к мысли, что помещение упомянутых

⁹ Упомянув работу М.С. Бандриковского, посвященную одноосным колесницам, отметим и недавно найденный на Западной Украине Гусятинский комплекс захоронения двух жеребцов с элементами пышно орнаментированных деталей упряжи, в том числе и стержневидных псалий (Бандрівський, 2016; Лычишин, 2016).

¹⁰ Обратим внимание, что в более ранней работе А.В. Епимахов, говоря о колесницах, утверждает: «... сомнения в их сугубо военном характере уже высказаны ...» (2004, с. 111).

повозок в могилы было призвано воспроизводить миф о путешествии души (Виноградов, 2003, с. 264). Эту идею поддержал В.В. Ткачев (2007, с. 131). Стоит упомянуть также работу Н.А. Берсеновой, где «колесничество» отнесено к «военным технологиям» синташтинской культуры (Берсенева, 2013, с. 41), но при этом подчеркивается, что применение этих технологий в военных действиях «представляется если не сомнительным, то достаточно редким» (Берсенева, 2013, с. 42)¹¹. Весьма взвешено и аргументировано смотрит на применение колесницы в бою А.И. Соловьев (2010). И.В. Чечушков предполагает применение колесниц в «военных и церемониальных целях», а также «в качестве транспортного средства в повседневной жизни» (Чечушков, 2011, с. 58¹², 64¹³). К близкому выводу приходит А.-П. Франкфор: «Мы знаем, что одомашнивание лошади и запряжка ее в легкую колесницу с колесами на спицах, экипаж, скорее престижный, чем предназначенный для военных действий – фактор технический и социальный ...» (2014, с. 111). П.Ф. Кузнецов, говоря о синташтинских колесницах, склоняется к тому, что «... колесница была предназначена для максимально быстрого перемещения воина с возницей к месту боевых действий. Возможно использование колесниц и для патрулирования. Учитывая пересеченный характер местности, представляется маловероятным ведение боя непосредственно во время движения» (2016, с. 38)¹⁴. Обстоятельный обзор различ-

ных мнений в деле использования колесниц приводит Д.В. Черемисин (2006, с. 92–94, 97–98). А.В. Епимахов и И.В. Чечушков провели весьма обстоятельный анализ словосочетания «горизонт колесничных культур», (Епимахов, 2008; Епимахов, Чечушков, 2008), придя к выводу, что «смещение языка метафор и научной терминологии вряд ли будет способствовать прояснению сути явления, а сложившаяся практика употребления термина «горизонт колесничных культур» способна лишь затемнить суть яркого исторического явления (Епимахов, Чечушков, 2008, с. 494). Обратим внимание на вывод, к которому пришел А.В. Логвин, анализируя синташтинско-петровские погребальные комплексы Тургайского прогиба с остатками лошадей: «... кони сопровождают парные разнополюсы погребения, одиночные мужские и женские, захоронения взрослых с детьми. Следовательно, речь может идти не о колесничных воинах, а скорее о представителях слоя общины, имевших возможность и право обладать колесницами» (2019а, с. 132). Х. Бендесу-Сармиенто, анализируя погребальные обряды эпохи бронзы на территории Казахстана, задается вопросом, существовал ли вообще класс воинов-колесничих (2014, с. 205).

Итак, относительно общественного положения людей, погребенных с псалями, высказывались разные точки зрения. Мы решили рассмотреть данную проблему на основе анализа достаточно репрезентативной сводки захоронений (Подобед и др., 2016б, с. 32–33). Прежде всего, нас заинтересовало, с какими другими категориями некерамического погребального инвентаря могут коррелировать псалии. В статье нами было учтено 89 погребальный комплексов с псалями (Подобед и др., 2016б, с. 33), сейчас мы оперируем данными о 106 комплексах. Речь идет о погребениях синташтинской, потаповской, петровской, нуртайской, алакульской, покровской, доно-волжской абашевской (абашево/ранний покровск)¹⁵ культурах и зеравшанском варианте Бактрийско-Маргианского археологического комплекса.

¹¹ Позже Н.А. Берсенева, говоря о предметах в синташтинских могильниках, отнесенных к военной сфере, назвала «колесницы и средства управления лошастью», добавив «вероятно» (2019, с. 115–116), а чуть ниже подчеркнула, что колесницы, безусловно, имели отношение и к ритуальной сфере» (2019, с. 116).

¹² В статье (Подобед и др., 2016б, с. 32) допущена ошибка в ссылке – вместо с. 58 стоит с. 8.

¹³ Чуть позже, в диссертационном исследовании И.В. Чечушков пришел к выводу, что «... единственной сферой, в которой могут быть востребованы такие качества колесницы, как быстрота и маневренность является военная» (2013, с. 16) (ср.: Chechushkov et al., 2018, p. 135). Впрочем, далее исследователь пишет, что постепенно роль колесницы, как средства ведения войны снижается, но «за влекомой лошастью колесницей закрепляется мощное идеологическое значение» (Чечушков, 2013, с. 21). Ср.: (Рабаджиев, 2014, с. 78).

¹⁴ Практически те же выводы см.: (Кузнецов, 2017, с. 23). Ср.: (Соловьев, 2010, с. 40–41; Рабаджиев, 2014, с. 77). Впрочем, пересеченность местности не влияет на использование колесниц, как утверждают после экспериментов И.В. Чечушков, А.В. Епимахов и А.Г. Берсенева (Chechushkov et al., 2018, p. 135).

¹⁵ Многие псалии, которые мы выделили, как находки доно-волжской абашевской культуры в первоначальном варианте этой работы, проходят, к примеру, у В.С. Бочкарева и П.Ф. Кузнецова, как «псалии «канонической группы» покровской культуры (Бочкарев, Кузнецов, 2013, с. 68), а у Е.Н. Мельникова комплекс из Большой Пластицы идет, к примеру, как покровско-абашевский (Мельников, 2003). Не вдаваясь в сложную проблему наличия/отсутствия доно-волжской абашевской культуры, мы, используя устоявшийся термин, добавили «абашево/ранний покровск».

Как и в предыдущем варианте (Подобед и др., 2016б, с. 33), в случаях, когда псалии тяготеги к одному из умерших в коллективных погребениях, в таблицу включались сведения лишь об инвентаре, располагавшемся близ этого погребенного, и не учитывались вещи, лежавшие подле других. Мы отдаем себе отчет в условности такого подхода (ср. Епимахов, Берсенева, 2012, с. 152), ибо нельзя быть полностью уверенными в том, что повозка, которую символизировали псалии, призвана была «перевозить» лишь одного из погребенных, а не всех их вместе.

Синташтинская культура. Ранее сводка состояла из 29 комплексов (Подобед и др., 2016б, с. 33, 39–41). Напомним, что в подборке выделялось захоронение из Обилькина Луга-III, 14/1, где находились желобчатые псалии – единственный, как мы отметили, случай в синташтинской группе (Подобед и др., 2016б, с. 33)¹⁶. Сейчас мы понимаем, что ошиблись, обратив внимание только на то, что в публикации автора раскопок комплекс отнесен к синташтинской культуре (Денисов, 2001, с. 41). В обобщающей работе В.В. Ткачев, например, говорит о могильнике Обилькин Луг-III, как о раннеалакульском (2007, с. 332) и относит погребение с псалиями к ранней фазе (петровскому этапу) западноалакульской культурной группы (Ткачев, 2007, рис. 78: 31–32). И.В. Чечушков заметил ошибку И.В. Денисова и говорит о комплексе Обилькин Луг-III, как о погребении, чей «обряд и керамический комплекс мало схож [с] синташтинским ... и в большей степени напоминает алакульский (2013, с. 260). В.С. Бочкарев и П.Ф. Кузнецов отнесли погребение из Обилькина Луга-III к петровской культуре, разведя в своей классификации две пары желобчатых псалиев из этого комплекса по близким, но разным типам: «Аксаиманский» и собственно «Тип «Обилькин Луг» (2010, с. 306, 307). Петровскими идут эти псалии в Каталоге псалиев И.В. Чечушкова и А.В. Епимахова (2010, с. 221). Нашу подбор-

¹⁶ Заметим, что в публикациях И.В. Денисов пишет название могильника Обилькин луг-III (равно, как и название могильника Обилькин луг-II) (2000, с. 44, 81; 2001, с. 38, 39, 44). Следуя за публикацией, один из авторов так же называл комплекс (Усачук, 2013, с. 20, 110, 135, 147). Но, скорее всего, в составном названии могильника следует писать с прописной буквы оба слова, поскольку нарицательное существительное «Луг» употреблено не в прямом значении, а называет объект (в нашем случае определенную довольно обширную местность) условно. Ср.: «Обилькин Луг-III» (Чечушков, 2013, с. 260, 286, 299 и др.), «Обилькин Луг III» (Ткачев, 2007, с. 332; Бочкарев, Кузнецов, 2010, с. 306, 307, 330, 338).

ку комплексов петровского времени как раз и открывают аксайманские псалии (Табл. 2), и логично, что подобные им псалии из Обилькина Луга-III должны находиться там же. Таким образом, в «синташтинской» сводке стало на один комплекс меньше, но с учетом вновь прибавленных общее их количество возросло до 36 (Табл. 1). Нельзя сказать, что это находки последних лет. Например, для могильника Бестамак, из которого нам были известны по публикациям лишь некоторые комплексы, теперь, благодаря любезности А.В. Логвина, удалось собрать всю информацию (Логвин, 2019а; 2019б). Опираясь на изучение самих псалиев de visu одним из авторов¹⁷, мы можем говорить о том, что в могильнике Бестамак в 5-и погребениях найдено 8 щитковых псалиев. Все псалии могильника сохранились плохо и очень плохо, что предопределило разницу в их восприятии. В диссертационном исследовании А.В. Логвин пишет: «Костяные круглые плоские диски с отверстием в центре ... происходят из погребений 2, 55 могильника Бестамак...» (2019а, с. 62), в то время, как после изучения находок мы считаем, что в этих погребениях найдены остатки роговых дисков щитковых псалиев. Помимо информации о бестамакских псалиях, в материалах А.В. Логвина помещено и более пространное описание разрушенного местными жителями погребения могильника Токанай I¹⁸. Что касается материалов из могильника Степное-1

¹⁷ Изучение псалиев могильника Бестамак проводилось А.Н. Усачуком при участии А.В. Логвина и И.В. Шевниной 6 апреля 2009 г. в фондах Костанайского обл. историко-краеведческого музея. В материалах «Псалии (трасология)» архива А.Н. Усачука псалии могильника Бестамак идут под №№ 177–184. Обратим внимание, что после внесения в архивные данные по псалиям дополнительной информации, псалии из Софьинского могильника, которые шли под №№ 182 и 183 (Усачук, Кузнецов, 2019, с. 125, сноска 1) получили №№ 197 и 198.

¹⁸ «Погребение в яме 5. Могильное пятно размером 3,9×3,0 м, ориентировано по линии северо-запад-юго-восток. Глубина ее 0,5 м. Две находки не были потревожены грабителями – нож у юго-западной стенки ямы и дисковидный псалий у северо-западной стенки ... Фрагменты сосудов и сильно истлевших костей явно перемещены ... Найден также шлифовальный камень» (Логвин, 2019б, с. 55). Обратим внимание, что токанайский псалий И.В. Чечушков относит к погребению петровского времени (2013, с. 264), но мы склоняемся к точке зрения А.В. Логвина, который исключил послесинташтинский возраст могильника Токанай I (Логвин, 2019а, с. 152–153). Заметим, что токанайский псалий близок к «канонической» группировке синташтинских псалиев (Бочкарев, Кузнецов, 2013, с. 64).

(Табл. 1), то работать с комплексами оказалось возможно благодаря монографическому изданию итогов раскопок памятника (Куприянова, 2016)¹⁹.

Ранее был сделан вывод о том, что для комплексов синташтинской культуры характерно нахождение псалиев на дне могильных ям (Подобед и др., 2016б, с. 33). Новые данные не опровергли этот вывод, но дали дополнительную информацию. Интересная деталь погребального обряда прослежена в погребении 1 могильника Бестамак, где за спиной умершего в районе его шеи найден бронзовый нож, а «... Чуть далее ножа лежала лепешка из ила размером 0,25×0,1 м, толщиной до 0,05 м. На ней обнаружены остатки двух плохо сохранившихся дисковидных псалиев ...» (Логвин, 2019б, с. 13). По поводу погребения 20 того же могильника мы задавались вопросом о положении лошадей – в погребении или на перекрытии (Подобед и др., 2016б, с. 33). Теперь мы можем сказать, что лошади находились на перекрытии (Логвин, 2019а, с. 126) и умерший положен под ними. Таким образом, псалий, положенный рядом с головой одной из лошадей, был на перекрытии. К «бестамакскому» случаю добавилось стратиграфическое наблюдение о том, что один из псалиев в комплексе Степное-1, 1/2 точно находился на перекрытии (Куприянова, 2016, с. 20).

Некоторые уточнения по сравнению с предыдущим текстом (Подобед и др., 2016б, с. 35) мы можем сделать применительно к полу и возрасту погребенных. При некоторых допущениях (разрушенный местными жителями комплекс могильника Токанай) не менее 23 умерших являлись взрослыми. Ранее отмечались мужчины не моложе 22 лет (Подобед и др., 2016б, с. 35). Сейчас рамки возраста погребенных мужчин с псалиями расширились, но в сторону омоложения: 15–17, 18–20, 20–25 лет. Увеличилось и количество погребений, где псалии сопровождали женщин²⁰,

¹⁹ Наша подборка комплексов могла быть и больше, но три погребения с псалиями кургана 4, исследованного на могильнике Степное-1 в 2006–2007 гг. (Куприянова, 2016, с. 6) еще не опубликованы. Нет публикации и комплекса с парой псалиев из кургана 5 могильника Озерное-1, только краткое упоминание о том, что эти псалии подобны синташтинским (Гилева, 2012, с. 73). В могильнике исследовано 5 курганов и синташтинские погребения занимают центральное место (Гилева, Худобородова, 2011, с. 73, 74). Очевидно, в одном из синташтинских погребений и найдены псалии (в краткой информации о раскопках (Гилева, Худобородова, 2011) о псалиях не упоминается, в предварительной информации (Новиков, 2012, с. 48) говорится почему-то о находке одного псалия).

²⁰ Обратим внимание на вывод о том, что

причем при повторе случаев 17–25 и 40–50 лет, появился комплекс, где погребена, скорее всего²¹, юная женщина – 15–17 лет. От предполагаемого вывода, что женщины «... могли быть похоронены с уздой и независимо от родственных или брачных связей» (Подобед и др., 2016б, с. 35) следует пока воздержаться, поскольку новые комплексы (Степное-1, 1/1 и 1/2), где псалии относятся к приданому молодых женщин, демонстрируют коллективные погребения (Куприянова, 2016, с. 14–16; 20–23).

Рассматривая некерамический материал, выявленный в расширенной подборке синташтинских погребений с псалиями, обратим внимание, что наши наблюдения по поводу частичного (ритуального) разрушения могил, (Подобед и др., 2016б, с. 35) получили подтверждение – все комплексы могильника Степное-1 частично «ограблены»²² (Табл. 1). Разнообразие инвентаря (ср. Подобед и др., 2016б, с. 35) увеличилось. Предметы вооружения присутствуют в 21 комплексе. Они представлены, как и раньше, главным образом, наконечниками стрел (19 комплексов). Увеличилась и доля погребенных с псалиями, сопровождаемых орудиями различных производств (Табл. 1).

Отмечено, что в погребениях с оружием были и предметы, которые с той или иной степенью вероятности можно связать с ритуальной функцией (Подобед и др., 2016б, с. 37–38). Новые комплексы добавили немного краски в представленную картину. Отметим п. 1, п. 55 и особенно п. 2 могильника Бестамак, наборы астрагалов мелкого рогатого скота в комплексах Степного-1 (Табл. 1).

Не повторяясь в деталях (ср. Подобед и др., 2016б, с. 35–38), перейдем к окончательному разделению комплексов с псалиями синташтинской культуры на несколько групп (Подобед и др., 2016б, с. 38–39). Добавленные в новом варианте материалы вполне вписываются в предложенные группы: например, погребение 2 могильника Бестамак и скелет 2 из погребения 1 кургана 1 могильника Степное-1 можно отнести к погребениям «трифункциональных» индивидуумов, содержащих атрибуты военной, производственной и ритуальной «курганы с колесницами имеют особое расположение, в них похоронены только мужчины, что свидетельствует о наличии особого сословия – колесничих» (Новоженков, 2012, с. 271).

²¹ Автор раскопок говорит об останках погребенного № 1, как о возможно женском костяке (Куприянова, 2016, с. 20).

²² Мы используем термины «ограблены», «ограбление» в кавычках. Ср. с таким же пониманием этого термина: (Епимахов, Берсенева, 2012, с. 152).

функций. Захоронения «бифункционалов» можно увидеть в комплексах погребений 1 и 55 могильника Бестамак и скелета 1 погребения 2 кургана 1 могильника Степное-1. В них присутствовали знаки двух функций. К погребениям «унифункциональных» членов социума отнесены комплексы скелета 2 погребения 2 кургана 1 могильника Степное-1 и погребения 5 могильника Токанай. Интересно, что новые комплексы дали «прирост» и 4 группы (ср. Подобед и др., 2016б, с. 38): один из комплексов могильника Степное-1 (скелет 1 из погребения 1 кургана 1) не подчеркивал причастности к военной, производственной или ритуальной функциям²³.

Весьма сложным продолжает оставаться вопрос о том, какое отношение лица, погребенные с псалиями, имели к властной функции (ср. Подобед и др., 2016б, с. 39). Новые комплексы пока не дали какой-либо дополнительной информации на этот счет. Но вывод, «что конская упряжь не может быть интерпретирована как атрибут исключительно воинов, сражавшихся на колесницах» (Подобед и др., 2016б, с. 39) для погребений синташтинской культуры остается в силе (ср. Зданович, 1997, с. 67).

Петровская культура. В опубликованном варианте сводка состояла из 10 комплексов (Подобед и др., 2016б, с. 41, 42–43). Увеличилась она ненамного: помимо перенесенного из синташтинского блока погребения 1 кургана 14 могильника Обилькин Луг-III, мы поместили в таблице 4 новых пункта: погребение 1 кургана 8 могильника Степное-1 (Куприянова, 2016, с. 73–78), 2 погребения из раскопок могильника Степное VII: яма 5 комплекса 2 (Куприянова, Зданович, 2015, с. 14–17) и яма 18 комплекса 4 (Куприянова, Зданович, 2015, с. 45–50) (Табл. 2) и весьма своеобразный комплекс кургана 5 могильника Новоильи-

новский II (Усманова и др., 2018; Снитковская, Усманова, 2019, с. 76–77; Усманова и др., 2019; Чечушков и др., 2020)²⁴.

Помимо желобчатых псалий в погребении 1 кургана 2 могильника Аксайман (Зданович, 1988, с. 78, рис. 30: 22–25; Бочкарев, Кузнецов, 2010, с. 338), в «петровской» подборке оказались две пары желобчатых псалий из комплекса Обилькин Луг-III (Бочкарев, Кузнецов, 2010, с. 338) и три псалия из ритуального комплекса могильника Новоильиновский II (Чечушков и др., 2020, с. 47–48). Остальные псалии – щитковые. Мы уже обращали внимание на то, что псалии из Обилькина Луга-III «балансируют на тонкой грани переходных форм от щитковых к желобчатым» (Подобед и др., 2016б, с. 33, прим. 22)²⁵. Сырьем для аксайманских, новоильиновских и для псалий из Обилькина Луга-III служат фрагменты расколотых трубчатых костей крупных копытных (ср. Бочкарев, Кузнецов, 2010, с. 294; Усачук, 2013, с. 50; Чечушков и др., 2020, с. 48)²⁶. Обратим внимание, что среди внесенных в нашу подборку новых комплексов с псалиями, выделяются псалии из ямы 18 комплекса 4 могильника Степное VII. В погребении найдено 3 псалия, все щитковые, изготовленные из рога оленя или лося (Куприянова, Зданович, 2015, с. 48). Один псалий – типичный, с овальным щитком и четырьмя монолитными шипами (Куприянова, Зданович, 2015, рис. 51: 1). А оставшиеся 2 экземпляра имеют узкие вытянутые щитки с узкой же длинной планкой, что позволило оригинально сказать о более сохранившемся псалии № 2: «имеет щиток в форме «рыбки» длиной 5,9 см», а о хуже сохранившемся псалии № 3: «имел, по всей видимости, форму, аналогичную псалию № 2...» (Куприянова, Зданович, 2015, с. 48). Узкая длинная

²³ Разумеется, и к новым комплексам применимы те замечания, которые мы высказали по поводу предложенной классификации (Подобед и др., 2016б, с. 39), потому что погребения или частично потревожены в древности и современности, или некоторые предметы можно при желании отнести к той или иной функции. Следует учесть и подчеркиваемые другими исследователями детали: «Вариативность в выборе отдельных предметов представляется довольно высокой как внутри могильников, так и между ними. Различия объясняются, вероятно, не только гендером и возрастом умерших, но и множеством других причин, включая имущественные возможности семей и разного рода сентиментальные факторы (особенно в обращении с детьми)» (Епимахов, Берсенева, 2012, с. 161). Далее А.В. Епимахов и Н.А. Берсенева выразились более афористично, отметив «калейдоскоп синташтинской культурной вариативности» (2012, с. 167).

²⁴ Подборка могла бы увеличиться на 2 комплекса, но из могильника Баганаты III мы смогли использовать только погребение из кургана 14. Комплексы с псалиями этого могильника из курганов 16 и 20 опубликованы настолько лаконично (Плешаков и др., 2005, с. 41, 42), что анализировать их не представляется возможным. Своеобразным отражением ситуации является Каталог псалий, представленный в диссертации И.В. Чечушкова, где в списке идет псалий из кургана 14 могильника Баганаты III под № 12 со ссылкой на публикацию, а псалии из курганов 16 и 20, идущие под №№ 13 и 14, имеют пометку «не опубликован» (2013, с. 296, табл. 4).

²⁵ «Ситуация с псалиями из Обилькина Луга III своеобразная и довольно ярко отражает тонкие грани перехода щитковых псалий в желобчатые...» (Усачук, 2013, с. 147, прим. 186).

²⁶ Псалии из Обилькина Луга-III изготовлены из пястных или плюсневых костей КРС (Усачук, 2013, с. 147, прим. 186).

форма псалиев-«рыбок» могильника Степное VII близка псалиям из Аксаймана, Новоильиновского II и Обилькина Луга-III, отличаясь, тем не менее, сырьем.

Среди представленных петровских комплексов один случай, когда с достаточной долей вероятности можно допускать первоначальное размещение псалия на перекрытии могильной ямы. В погребении кургана 14 могильника Баганаты III интересующий нас артефакт находился на 35 см выше костяка и недалеко от куска деревянной плахи (Плешаков и др., 2005, с. 17; Подобед и др., 2016б, с. 41–42). Возможно, два набора псалиев лежали вместе с двумя лошадьми на перекрытии погребения 1 кургана 2 могильника Аксайман – погребение ограблено «не менее двух раз» (Зданович, 1988, с. 78). Псалии из ритуального объекта 1а кургана 5 могильника Новоильиновский II находились в районе своеобразной «коновязи» (Усманова и др. 2019, с. 76, 79; Чечушков и др., 2020, с. 46). Ситуация с новоильиновскими псалиями настолько интересная, что мы остановимся на описании этого ритуального объекта²⁷ из кургана 5 подробнее: «Ритуальное сооружение 1а располагалось в юго-западном секторе площадки. У дна яма приобрела правильную овальную форму, в этом пространстве располагались костяки двух лошадей и вертикально вкопанный позади них столбик из отесанного сливного песчаника, высотой 60 см, интерпретируемый как символическая коновязь ... При расчистке камня были обнаружены три желобчатых псалия ... Один (№ 1) лежал плашмя с восточной стороны камня, ... другой (№ 2) располагался вертикально, планкой вниз, с западной стороны. Судя по такому расположению, на камень могло быть накинута полное оголовье, ременная часть которого не сохранилась. Псалий № 3 находился над камнем и, вероятно, был вынесен туда в процессе движения грунта. Кроме того, над камнем найден небольшой клин из цветного металла. На дне ямы параллельно друг другу лежали полные скелеты жеребца 18–20 лет и кобылы 16–18 лет ... Лошадям были приданы сложные позы, для чего с их останками совершали специальные операции: отрезание конечностей, подрезание связок на суставах и связывание частей. Пространственная символика организации костяков может свидетельствовать о попытке придания лошадям позы «летающего галопа» (Чечушков и др., 2020, с. 46–47). Лошади сопровождали коллективное погребение 1, в котором зафиксированы две пары умерших, захороненных «с лицами, обращенными друг

к другу, скорченно» (Усманова и др., 2018, с. 200). Заметим, что погребение 2, совершенное неподалеку от погребения 1 в круге жертвенных ям (Усманова и др., 2018, рис. 2; Чечушков и др., 2020, рис. 1) занимает, возможно, подчиненное по отношению к погребению 1 положение – гораздо меньшая площадь ямы, захоронен ребенок, невыразительный инвентарь (Усманова и др., 2018, с. 203)²⁸.

В погребениях из Кривого Озера, 1/1, 2/1, Восточно-Курайли-I, 11/4 (здесь – по 2 близ каждого из двух погребенных) и Степное-1, 8/1 псалии размещались на дне могилы. В остальных захоронениях псалии были выявлены выше дна могильных ям, но все эти комплексы были в той или иной степени нарушенными. Это касается, в первую очередь, новые комплексы из могильника Степное VII. Псалии из ямы 5 комплекса 2 были, возможно, перемещены грабителями (Куприянова, Зданович, 2015, с. 16), а псалии из ямы 18 комплекса 4, судя по глубинам, немного, но перемещены во время ограблений, оставаясь, впрочем, в придонной части погребальной ямы (Куприянова, Зданович, 2015, с. 47). Но наиболее яркий пример положения псалиев в погребениях петровской группы являет собой комплекс из Обилькина Луга-III. Во время раскопок И.В. Денисов проследил интересные детали обряда: «... В отверстиях псалиях²⁹ фиксировался слабый тлен коричневого цвета. Очевидно, здесь лежали два комплекта конской узды с ремнями оголовья. Следует дополнить, что около каждой из пар псалиев отмечен рыжеватый тлен. Создается впечатление, что они лежали по бокам «кукол», символизировавших голову лошади ...» (Денисов, 2001, с. 41; ср. Исмагил и др., 2009, с. 119).

По сравнению с предыдущим текстом (Подобед и др., 2016б, с. 42), изменилась ситуация с половозрастными данными. Неясно (из-за ограблений?), что собой представлял аксайманский комплекс. Возможно, полное отсутствие человеческих костей свидетельствует о том, что это был кенотаф. Отметим, что основная масса погребений, сопровождавшихся псалиями, в «петровской» подборке принадлежит взрослым мужчинам: 20–25 лет, 30–40 лет (3 комплекса), 35–40 лет и 50–55 лет (Табл. 2). Вероятно, женским являлся комплекс Обилькин Луг-III 14/1. По данному погребению антропологических определений нет, но в пользу женского пола как будто свидетельствуют многочисленные пастовые бусы, находившиеся на костях стоп (Исмагил и др., 2009, с. 119). Судя по скоплению бусин

²⁷ По классификации в статье П.А. Фрикке (2020, с. 128, табл. 1) это полукольцевой ров.

²⁸ См. далее о ситуации из двух погребений в комплексе Ащису.

²⁹ Так в тексте. Нужно «псалиев».

и наконечников украшений, два костяка из разрушенного погребения 1 кургана 5 могильника Новоильиновский II можно считать женскими (Усманова и др., 2018, с. 203; Снитковская, Усманова, 2019, с. 77). Близко к ситуации комплекса Новоильиновский II пример ямы 18 комплекса 4 могильника Степное VII. Неясно, к кому из 4-х погребенных могли относиться псалии, но по половозрастным определениям мы видим юную женщину – 15–17 лет и даже 2-х детей – 9–10 и 10–12 лет (Табл. 2). Кстати, этот комплекс расширяет, как и в случае с синташтинскими, возрастной диапазон мужчин в сторону омоложения – 18–22 лет (Табл. 2). Во всяком случае, мы можем констатировать, что в отношении пола и возраста тех, кто в петровское время мог погребаться с псалиями, еще далеко не все понятно и новые материалы могут и расширить, и изменить наши представления по этому вопросу³⁰.

Некерамический инвентарь содержался во всех комплексах (Табл. 2), но от 3-х из них (Кривое Озеро, 1/1 и 1/2, Степное VII, комплекс 4/18) мы вынуждены абстрагироваться, т.к. применительно к ним невозможно установить, с какими предметами коррелировали псалии. Что касается оставшихся двенадцати комплексов, то в 9-и из них (75%) присутствовали предметы вооружения. Они, как и ранее (Подобед и др., 2016б, с. 42) представлены наконечниками стрел (в основном, кремневыми/каменными, костяной наконечник в комплексе Новоильиновский II) и в двух случаях – бронзовым наконечником копья³¹. Увеличилось количество комплексов, демонстрировавших знаки «ремесел». К таковым, помимо указанных ранее: Восточно-Курайли-I, 11/4, скелет 1, Восточно-Курайли-I, 11/4, скелет 2, Аксайман, 2/1; Берлик II, 10/1 (Подобед и др., 2016б, с. 42) добавились: Обилькин Луг-III, 14/1 (2 шила и игла), Степное-1, 8/1 (каменные орудия), Степное VII, комплекс 2/5 (стрекало³² в деревянной рукоятке). Знак «ремесла», скорее всего, есть и в новоильиновском комплексе: в одной из публикаций при описании инвентаря коллективного погребения 1 зафиксирована интересная деталь: «В северо-восточном углу ямы были обнаружены остатки жертвоприношения из ребер и конечностей мелкого рогатого скота, фрагмент деревянной палки, отделя-

³⁰ Скорее всего, картина станет близка показаниям синташтинской группы.

³¹ В новой публикации, освещающей материалы кургана 5 могильника Новоильиновский II изделие дано, как наконечник дротика (Чечушков и др., 2020, с. 45).

³² «Стрекало», скорее всего, следует интерпретировать как сверло или шило.

шей кости погребенных от костей животных ... Рядом с палкой, напротив ее середины, была врыта вертикально тазовая кость КРС (?) со следами стертости по длинной стороне, что указывает на возможное использование ее в качестве орудия» (Снитковская, Усманова, 2019, с. 77). Скорее всего, речь идет об орудии кожевенного производства – тупике из тазовой (подвздошной) кости крупного копытного. Такие орудия встречаются в погребальных (Подобед и др., 2011а; 2011б, с. 104–105; 2015а, с. 255–256) и культовых комплексах на поселениях (Подобед и др., 2011б, с. 105–106; 2015а, с. 256–257)³³. Возможно, корреляция оружия с атрибутом «ремесла» имела место и в разрушенном захоронении из Кривого Озера, 1/2. Комплекс из Кривого Озера, 2/1 демонстрировал знак только одной функции – военной (наконечник копья), а комплекс из Кривого Озера, 1/3 – только знак «ремесла»

³³ Обратим внимание, что в погребении петровского времени обнаружен тупик именно из тазовой кости. Наш вывод, что «радикальный отказ от использования для производства тупиков тазовых костей ранее всего произошел, очевидно, в петровской культуре» (Подобед и др., 2015а, с. 257) требует корректировки. Но наше наблюдение, что «корреляция тупиков с костями животных ... вызвана тем, что тупики в определенных обрядах выступали как своеобразное дополнение к мясным жертвам» (Подобед и др., 2015а, с. 257) получило яркое подтверждение с появлением новоильиновского комплекса. Дело в том, что при перечислении инвентаря погребения 1 кургана 5 могильника Новоильиновский II в иных публикациях (Усманова и др., 2018, с. 203, 204, рис. 5; Чечушков и др., 2020, с. 45) тупик не упоминается, поскольку сумел «спрятаться» среди костей животных и перестал восприниматься, как изделие. Заметим, что тупик, как орудие кожевенного производства, положенный в могилу, может добавить яркости в картину, «которая погружает нас в игру древних мистерий» (Усманова и др., 2019, с. 78). Дело в том, что «на передних позвонках грудного отдела жеребца лежало скопление таранных костей животных. В древности они, видимо, находились в мешочке ... Всего: 99 таранных костей овцы, минимально от 52 особей; 1 кость козы; 10 костей свиньи, минимально от 7 особей, и 1 кость сайги ... Часть костей имеют следы использования. Они применялись для заглаживания поверхности глиняных сосудов и кожи ... Не исключено, что часть обработанных астрагалов могло иметь отношение к игральным костям ... Они были собраны в ритуале в качестве обязательного приношения «профессионального» характера» (Усманова и др., 2019, с. 78). В данном случае мы хотим указать на наличие орудий для обработки кожи как в погребении 1, так и в связанном с ним ритуальном сооружении 1а с лошадьми и псалиями и усилить «профессиональную» составляющую и без того очень яркого комплекса.

(шило). Впрочем, эти захоронения являлись разрушенными, а потому нет уверенности, что в случаях захоронений из Кривого Озера при формировании набора погребального инвентаря не была подчеркнута принадлежность умершего к обеим функциям – военной и производственной (Подобед и др., 2016б, с. 42). В одном комплексе (Баганаты III, к. 14), который мог, по нашему предположению, принадлежать женщине (Подобед и др., 2016б, с. 42), погребальный инвентарь маркировал военную и властную функции.

Увеличилась доля в рассматриваемых комплексах атрибутов ритуальной функции. К захоронению из Жаман-Каргалы I, 14/2, где находился пест³⁴, добавилось и погребение из комплекса Степное-1, 8/1, где тоже был найден пест из яшмы зеленого цвета (Куприянова, 2016, с. 78). А к возможному погребению с атрибутом ритуальной функции – астрагалами (Кривое Озеро, 1/1) (Подобед и др., 2016б, с. 42), прибавилось такое же разрушенное коллективное погребение (Степное VII, комплекс 4/18), где тоже невозможно установить, к кому относился набор астрагалов МРС (Куприянова, Зданович, 2015, с. 47).

Новые комплексы, добавленные нами к «петровской» составляющей уфимской статьи, не повлияли на выводы. Пока так и остается, что «в петровском обществе, в отличие от синташтинского, люди, которых погребали с псалями, «курировали» почти исключительно военную и производственную сферы, причем, в своем большинстве, – обе одновременно, т.е. являлись преимущественно «бифункционалами»³⁵. Таким образом, и в петровской культуре лица, погребавшиеся с деталями конской упряжи, не были специализированными воинами. Редкая встречаемость в рассматриваемых захоронениях ритуальных атрибутов позволяет утверждать, что петровское общество являлось более «светским», чем синташтинское» (Подобед и др., 2016б, с. 42).

После петровских материалов в предыдущем варианте статьи мы затронули **нуртайский** комплекс из кургана 1 могильника Ащису (Карагандинская обл., Казахстан) (Подобед и др., 2016б, с. 43). На него мы обратили внимание потому, что нуртайские древности близки петровским (Ткачев, 1999,

с. 27, 28; 2002, с. 186; Фрикке, 2020, с. 125; и др.). Вероятно, нам не следовало говорить определенно «нуртайская культура» (Подобед и др., 2016б, с. 43), потому что исследователи, помимо этого термина (Ткачев, 2002, с. 185, 212, 213; Курманкулов, Ермолаева, 2011, с. 79; Кукушкин, 2010, с. 26, 29; 2011, с. 98, 99; 2015, с. 398, 403; Кукушкин, Кукушкин, 2015, с. 677; и др.), называют подобные памятники: «нуртайский тип» (Куприянова, 2018, с. 186; Фрикке, 2020, с. 125), нуртайский/кулевчинский этап (Кукушкин, Дмитриев, 2018, с. 36; 2019, с. 51), петровско-нуртайский хронологический горизонт, петровско-нуртайский этап (Ермолаева, 2016, с. 129), нуртайско-петровский этап (Ермолаева, 2016, с. 133) и пр. Обратим внимание на дискуссионность выделения нуртайской культуры (Дмитриев, 2017, с. 25; Жауымбай и др., 2018). Нет единого мнения и по поводу хронологической позиции нуртайских древностей (Жауымбай и др., 2018, с. 229, Логвин, 2019а, с. 155).

О комплексе могильника Ащису мы поговорим более предметно. Здесь близ остатков жертвоприношения лошади, локализовавшихся к югу от погребения 1, находился щитковый роговой псалий (Кукушкин, 2007, с. 41; Усачук, Кукушкин, 2011). Погребение было «ограблено». Кости человека в могиле отсутствовали. Мы предположили, что, возможно, комплекс являлся кенотафом (Подобед и др., 2016б, с. 43). И.А. Кукушкин говорит, что в погребении 1 мог быть захоронен взрослый мужчина (2007, с. 44). Интересная деталь, о которой мы не упомянули ранее: судя по контексту захоронений, оба погребения совершены одновременно, но погребение 2 занимает подчиненное по отношению к погребению 1 место – меньшая площадь ямы, предположительно захоронен подросток или юноша (Кукушкин, 2007, с. 44). Таким образом, мы можем в какой-то мере привлечь само погребение 2 и его инвентарь в качестве своеобразного «приданого» первого погребенного³⁶. В яме погребения 1 уцелели бронзовые втульчатый «крюк-багор» и «стрекало» (Кукушкин, 2007, с. 41–43; Новоженев, 2012, с. 198–199). Функциональное назначение первого артефакта и, соответственно, его семантика, не ясны (ср.: Новоженев, 2014, с. 92)³⁷. «Стре-

³⁴ О пестах и растиральниках, которые использовались в обрядах, см.: (Подобед и др., 2010б, с. 114; 2015б; 2016б, с. 37–38; Ткачев, 2019, с. 296–297).

³⁵ Военная функция подчеркивается для комплекса Новоильиновский II (Умсанова и др., 2018, с. 212) но возможная находка тупика как раз и делает умерших из погребения 1 кургана 5 «бифункционалами».

³⁶ Возможно, мы ошибаемся. Обратим внимание на то, что автор раскопок подчеркивает, что «в двойных элитарных захоронениях колесничная запряжка полагалась каждому умершему» (Кукушкин, 2007, с. 45). Но ситуация с возможным подчиненным погребением комплекса Ащису разительно напоминает картину комплекса Новоильиновский II, о котором мы говорили выше.

³⁷ В своей монографии В.А. Новоженев отнес

кало» же, скорее всего, следует интерпретировать как шило или сверло и связывать с «ремеслом». В погребении 2 найдены, помимо костей человека, 6 астрагалов МРС, кремневый наконечник стрелы и фрагмент плоского костяного диска (Кукушкин, 2007, с. 43). В целом, судить о социальной позиции погребенного в яме 1 затруднительно (ср. Подобед и др., 2016б, с. 43). Столь же неясна социальная позиция захороненного в яме 2, хотя наличие наконечника стрелы и астрагалов может вывести погребенного в «бифункционалы», если он не является подчиненным захоронением погребенному в яме 1³⁸.

Еще один нуртайский комплекс исследован в 2018 г. в могильнике Табылды (Карагандинская обл., Казахстан). В кургане 3 было обнаружено парное захоронение лошадей, уложенных спинами друг к другу и головами на северо-восток. «На черепах расчищены *in situ* уздечные наборы в виде двух пар щитковых псалиев с металлическими скобами, которые были положены на головы упряжных лошадей (Кукушкин, Дмитриев, 2019, с. 44). Лошади, олицетворяя собой запряжку колесницы, относились к погребению 1, совершенному в прямоугольном каменном ящике – собственно «колеснице» (Кукушкин, Дмитриев, 2019, с. 47). Погребение разрушено (ритуальное «ограбление»?), сохранились кости двух человек (исходя из найденного погребального инвентаря высказано предположение, что «это было парное погребение представителей разных полов» (Кукушкин, Дмитриев, 2019, с. 47)). Инвентарь представлен бронзовыми наконечником «стрекала», ножом-кинжалом в деревянном футляре, подвеской в 1,5 оборота, остатком деревянного предмета с металлической скобой и скобой для скрепления стенок керамического сосуда, бронзовыми и пастовыми бусами и пронизьями (Кукушкин, Дмитриев, 2019, с. 46). Мы не знаем, кому из двух умерших принадлежали те или иные вещи, но характер инвентаря не дает оснований говорить о военной функции погребенных. По поводу «стрекала» – см. выше описание погребения 1 могильника Ащису. Кстати, комплексы могильников Табылды и Ащису

этот крюк-багор к колесничному вооружению (2012, с. 198, 262).

³⁸ И вновь мы сравним умершего в яме 2 с погребением 2 кургана 5 могильника Новоильиновский II. Здесь инвентарь позволяет предполагать в подростке или юноше возможного «бифункционала». Статус же ребенка из погребения 2 кургана 5 Новоильиновского II могильника неясен (остатки небольшого деревянного предмета (Усманова и др., 2018, с. 203) вряд ли можно отнести к, предположим, ритуальным вещам), но явно невысок.

похожи не только наличием лошадей с псалиями и находками «стрекал». Бросаются в глаза факты «ограбления» обеих могил. В случае с комплексом Табылды мы можем однозначно говорить о подчиненном положении погребения 2, ящик которого сооружен в пристройке, примыкающей к ограде основного погребения 1 (Кукушкин, Дмитриев, 2019, с. 46)³⁹. Возможно и погребенный в яме 2 комплекса Ащису занимал-таки подчиненное положение по сравнению с умершим, уложенным в яму 1? Во всяком случае, комплекс Табылды не только сам достаточно яркий, но бросает отблески и на более скромный комплекс Ащису⁴⁰.

Псалий, подобно найденным в комплексе Табылды – с круглым щитком и длинной планкой – алакульского типа (Бочкарев, Кузнецов, 2013, с. 68), был обнаружен в погребении 44 Хрипуновского могильника (Матвеева и др., 2003, с. 37, 42), отнесенному к **алакульской культуре**. Погребение разграблено, сохранились кости мужчины 50 лет. Под головой умершего – бронзовый кинжал с рукояткой из дерева и в деревянных ножнах, бронзовые «спицы» на бересте⁴¹, деревянный стержень длиной 1,4 м с костяными «навершиями» на обоих торцах, крупная раковина (Матвеева и др., 2003, с. 37, 41, 42). Яркой выраженной военной функции погребение пожилого мужчины в Хрипуновском могильнике не несет, наличие одного кинжала для этого недостаточно. Зато присутствие своеобразного изделия (?) с бронзовыми «спицами» и, особенно, достаточно длинного стержня (жезла?) с костяными втулками (ср. Костомарова, 2010, с. 70) позволяют считать умершего наделенным какими-то ритуальной и/или административной функциями.

Из Хрипуновского могильника происходит еще один комплекс алакульского времени с псалием: погребение 62, где, скорее всего, на перекрытии могилы был положен жертвенный комплекс, где возле черепа лошади найден своеобразный желобчатый псалий (Матвеев и др., 2007, с. 112; Костомарова, 2010, с. 70; Широкова, 2013, с. 146). В.С. Бочкарев и П.Ф. Кузнецов на основе этой находки выделили «Хрипуновский» тип желобчатых псалиев (2010, с. 303). Погребение 62 ограблено,

³⁹ Наглядно это смотрится на общем чертеже кургана 3 (Кукушкин, Дмитриев, 2019, рис. 2).

⁴⁰ В задачи этой статьи не входит анализ псалиев из могильника Табылды, но мы хотим подчеркнуть, что с находкой их, да, к тому же, на головах лошадей, сделан большой шаг в понимании использования щитковых псалиев, в частности – зыбкой грани перехода псалиев из шипастых в безшипные (ср. Кукушкин, Дмитриев, 2019, с. 50).

⁴¹ Остатки каркаса берестяного изделия?

а затем и значительно разрушено впускным позднесредневековым комплексом. Складывается впечатление, что материал погребения не сохранился, во всяком случае, в доступных нам публикациях ничего не говорится о костяке или каком-либо инвентаре погребения⁴².

Потаповская культура. За несколько лет, прошедших после опубликованного варианта (Подобед и др., 2016б, с. 43–44) сводка не увеличилась – учтенных комплексов 7 (Табл. 3).

Выявлены только щитковые псалии. Почти во всех случаях рассматриваемые артефакты размещались на дне могил. Лишь применительно к разрушенному захоронению из Утевки VI, 2/3⁴³ первоначальное положение псалиев установить невозможно.

Потаповская культура демонстрирует корреляцию псалиев почти исключительно со взрослыми (Табл. 3). Это можно утверждать применительно к комплексам из Потаповки, 3/4 и Утевки VI, 2/3, 6/6 и 6/5. Относительно последнего захоронения отметим, что публикация его ограничивается таблицей с рисунками вещей, бывших в могиле. Судя по плану кургана (Васильев и др., 1992, рис. 1), данные вещи сопутствовали двум взрослым, лежавшим в «позе объятий». Отсюда правомерно допущение, что мы имеем дело с мужчиной и

⁴² Справедливости ради, мы должны заметить, что в предыдущем варианте работы (Подобед и др., 2016б) комплексы с псалиями алакульской культуры не использовались. Сейчас мы лишь затронули эту тему, полагая, что немногочисленные алакульские и срубные погребения, в инвентарь которых входят псалии – тема отдельной работы. Кроме того, культурная определенность некоторых комплексов «размыта»: например, Жаман-Каргала I, 14/2 – у нас это погребение проходит, как петровское (Табл. 2), а у И.В. Чечушкова, как алакульское (2013, с. 260). То же касается и комплекса Баганаты III, к. 14 – петровский в нашей статье, у И.В. Чечушкова он и петровский (2013, с. 264–265), и алакульский (2013, с. 296, табл. 4, № 12). Комплекс из Обилькина Луга-III (2013, с. 260), который мы по зрелому размышлению «передвинули» в петровские (см. выше), у И.В. Чечушкова идет, как «в большей степени ... алакульский» (2013, с. 260). Но это все частности, главное же в том, что в алакульское время ситуация с колесницами и колесничими постепенно начинает сходиться на нет. Ср. (Епимахов, 2004, с. 110–111) или: «... в алакульское время население перестало вкладывать огромные ресурсы ... в создание погребальных комплексов и поддержание колесничной технологии ... одна из мужских социальных ролей – «воина-колесничего» могла совсем исчезнуть в течение алакульского периода» (Берсенева, 2019, с. 255–256).

⁴³ В предварительной информации о раскопках памятник назывался не VI, а IV Утевским курганным могильником (Васильев, 1974, с. 136).

женщиной. И хотя из публикации невозможно установить, близ кого из них размещались псалии⁴⁴, при любой локализации последних имела место корреляция данных изделий со взрослым (или – обоими взрослыми). Иная ситуация зафиксирована в погребении из Потаповки, 5/8. Здесь выявлены костяки мужчины и подростка. Псалии не тяготели ни к одному из них, т.е., возможно, являлись «общими».

Один из комплексов (Утевка VI, 2/3) сильно разрушен, а второй (Утевка VI, 6/5)⁴⁵ опубликован неполно. От названных комплексов мы решили абстрагироваться. Из 5 оставшихся 3 демонстрировали причастность умерших одновременно к военной функции и «ремеслу» (Подобед и др., 2016б, с. 43–44). В парном погребении из Потаповки, 5/8 близ костяка подростка лежали «альчики» (Васильев и др., 1994, с. 32). Возможно, они являлись ритуальными атрибутами. В могиле выявлены также наконечники стрел, которые располагались поодаль и от подростка, и от похороненного в этой же могиле взрослого, но, скорее всего, являлись атрибутами второго. Если это так, то погребение демонстрирует поляризацию между военной и ритуальной функциями (Подобед и др., 2016б, с. 44).

В целом, можно констатировать, что картина, демонстрируемая потаповскими захоронениями, более близка к той, которую показывает петровская, а не синташтинская культура: люди, погребавшиеся с псалиями, были, по большей части, «бифункционалами», причем ведали они, в основном, военной функцией и «ремеслом». Отметим и то, что ни в одном из рассматриваемых потаповских захоронений не находилось явных знаков властителей. Правда, в погребении из Утевки VI, 6/2 выявлена костяная втульчатая «лопаточка». Такие изделия иногда рассматриваются как инсигнии власти или предметы культового назначения (Зданович, 2002, с. 150; Усачук, 2015⁴⁶; 2016, с. 34). Остается актуальной проблема накопления информации по своеобразным «лопаточкам» (Подобед и др., 2016б, с. 44, сноска 45).

Подводя итог рассмотрению погребений потаповской культуры, отметим, что они не демонстрируют жесткой корреляции псалиев

⁴⁴ Известно только то, что они находились «в головах» (Черленок, 2004.С. 55), но не ясно, у кого именно (в публикации (Подобед и др., 2016б, с. 43) эта ссылка (44) «потерялась».

⁴⁵ В статье (Подобед и др., 2016б, с. 43) допущена ошибка, повторяется название комплекса Утевка VI, 2/3.

⁴⁶ В этой публикации рассматриваются разные предположения по поводу применения «лопаточек».

с военной функцией (Подобед и др., 2016б, с. 44–45).

Покровская культура. Как и в случае с потаповскими, у нас на сегодняшний день не увеличилась и сводка покровских комплексов (Подобед и др., 2016б, с. 45, 46–47) – учтенных комплексов осталось 18 (Табл. 4). Остановимся более подробно на одном из псалиев из погребения 1 кургана 1 комплекса хутор Веселый. В ранее опубликованном варианте говорится об этом псалии, как о желобчатом (Подобед и др., 2016б, с. 45). На самом деле ситуация более сложная: оставаясь по сырью и по наличию вставных шипов щитковым псалием, формой щитка он сильно напоминает желобчатый (Усачук, Чаплыгин, 2008, с. 64; 2009, с. 80). Кстати, ситуация с псалиями из Золотой Горы приблизительно такая же: золотогорские экземпляры – желобчатые (Бочкарев, Кузнецов, 2010, с. 307, 338–339), но часто воспринимаются, как щитковые (Подобед и др., 2016б, с. 45, сноска 46). Таким образом, и псалии из Золотой Горы, и прямоугольный псалий из комплекса у хутора Веселый, и псалии из Обилькина Луга-III, о которых говорилось выше – варианты своеобразных «переходных» форм от щитковых к желобчатым⁴⁷.

Для покровской культуры также было характерно помещение конской узды преимущественно на дно могил. Это зафиксировано в 11 случаях. Еще в одном захоронении (Урень I, 6/1) узда с парой псалиев в ходе погребальной церемонии, скорее всего, была повешена на облицовку стенки могильной ямы (Кузнецов, Усачук, 2019, с. 336)⁴⁸. Применительно к захоронению из Березовки, 3/2 можно допускать, что псалий был помещен на перекрытие могильной ямы (Дремов, 1997. С. 148). В трех нарушенных захоронениях рассматриваемые артефакты выявлены в заполнении могил (Красноселка, п. 1; Бородаевка II, 1/21; Тарумовка-1, 2/1). Псалий из Суворовского, 2/1 был обнаружен в норе животного. Относительно локализации псалия из Идолги, к. 3 данные у нас отсутствуют, т.к. комплекс опубликован неполно (Подобед и др., 2016б, с. 45).

В покровской культуре псалии, вероятно, сопутствовали исключительно взрослым (Табл. 4) – этот вывод (Подобед и др., 2016б,

с. 45) сохраняется. А вот наше предположение по поводу того, что «в обществе покровской культуры доминирующее положение занимали более молодые, чем в синташтинской культуре, люди» (Подобед и др., 2016б, с. 45) очевидно, можно снять, поскольку как раз в синташтинской подборке комплексов наблюдается значительное «омоложение» (Табл. 1).

Анализ некерамического инвентаря в комплексах с псалиями покровской культуры (Подобед и др., 2016б, с. 45–46) не претерпел изменений и выводы, «что представители покровского общества, погребавшиеся с псалиями, были связаны с разными функциями, причем военная стояла отнюдь не на первом месте среди них» (Подобед и др., 2016б, с. 46) остались те же.

Дно-волжская абашевская культура (далее – ДВАК) (абашево/ранний покровск). Выше мы уже обращали внимание на дискуссионность и сложность проблем выделения ДВАК, памятников покровского культурного типа или покровской археологической культуры (Протоколы..., 1995, с. 77; Пряхин, 2003; 2011⁴⁹; Моисеев, 2003; Малов, 2003б; 2007, с. 34, 41–42, 44–46 и др.; Епимахов, Чечушков, 2008, с. 483, сноска 23; Гершкович, 2010, с. 121; Лопатин, 2011; 2013; и мн. др.). Один из авторов этой работы посвятил проблеме соотношения ДВАК и памятников покровского типа специальную работу (Цимиданов, 2005). Заметим, что мы и ранее в качестве рабочего термина использовали термин ДВАК (напр.: Подобед и др., 2016а, с. 63, 73).

Комплексов ДВАК ранее было учтено 22 (Подобед и др., 2016б, с. 47). Наша сводка увеличилась ненамного – сейчас в ней 24 комплекса (Табл. 5). Погребения с псалиями, которые мы добавили, выявлены при раскопках в 2013 г. (Пудовкин, 4/1) и 2015 г. (Отрадное, одиночный курган 2/1). К сожалению, оба комплекса разрушены: Пудовкин, 4/1 кротовинами или ограблением (Миронов, 2014, с. 24), Отрадное, одиночный курган 2/1 – землеройными животными (Воронин, 2016, с. 45). Новые находки не нарушили картины, отраженной в нашей публикации: только в одном комплексе (Красный 1, 1/2 (Матвеев и др., 2005, с. 143; рис. 7: 1, 2; Бочкарев, Кузнецов, 2010, с. 339)) находились щитковые и желобчатые псалии, в остальных – щитко-

⁴⁷ К своеобразным переходным формам можно добавить и два псалия с поселения Капитаново-I в Подонцовье (Усачук, 2013, с. 91, 92, сноска 97).

⁴⁸ Проведем параллель с псалиями из ритуального объекта 1а кургана 5 могильника Новоильиновский II, где на своеобразную «коновязь» было, скорее всего, «накинута полное оголовье, ременная часть которого не сохранилась» (Чечушков и др., 2020, с. 46).

⁴⁹ Обратим внимание, что здесь, реагируя на эмоциональное высказывание В.С. Бочкарева, что «к дно-волжской абашевской культуре А.Д. Пряхина наука уже не вернется», А.Д. Пряхин пишет, что это происходило при обсуждении доклада О.В. Кузьминой (2011, с. 88), но на самом деле – при обсуждении доклада Р.А. Литвиненко (Протоколы..., 1995, с. 77).

вые (Подобед и др., 2016б, с. 47)⁵⁰. Остались в силе и наши выводы по размещению псалиев в ДВАК на дне могил (Подобед и др., 2016б, с. 47): шипы из Отрадное найдены в кротовинах, но один из двух псалиев из Пудовкина остался на дне могильной ямы (Миронов, 2014, с. 24).

Немного уменьшился удельный вес кенотафов по сравнению с опубликованными данными (Подобед и др., 2016б, с. 47): в нашей сводке их так и осталось 6 или 7⁵¹, потому что новые комплексы, хоть и разрушенные, дали антропологическую информацию (Табл. 5). Впрочем, полученные нами с учетом новых данных 25% или 29,1% остаются очень высоким удельным весом кенотафов в данном массиве. Из-за новых комплексов и продолжающегося исследования комплекса Рождествено 1, 4/1 увеличилось количество погребений с определением пола и возраста, но тенденция (Подобед и др., 2016б, с. 47) сохранилась: все умершие – взрослые, пол их определен в семи случаях – мужской. Данные о возрасте имеются в пяти случаях – 25–35, около 30 лет, 40–45 и 45–55 и около 60 лет⁵².

В добавленных нами двух комплексах ввиду частичного их разрушения сохранился довольно скудный некерамический инвентарь – бронзовые шило и пластина (Табл. 5). Таким образом, повлиять на представленные ранее выводы (Подобед и др., 2016б, с. 47–48) новые данные не могут⁵³, разве что наличие шила в комплексе Отрадное, одиночный курган 2, п. 1 в какой-то мере корректирует наш предварительный вывод о том, что «в сводке отсутствуют «унифункциональные» комплексы ДВАК со знаками «ремесла» ...» (Подобед и др., 2016б, с. 48) – реальная картина оказывается сложнее, чем мы ее себе представляли. Таким образом, захоронения ДВАК продолжают

⁵⁰ Комплекс Пудовкин, 4/1 – 2 щитковых псалия со вставными шипами; комплекс Отрадное, одиночный курган 2/1 – найдено 2 шипа от типичного щиткового псалия.

⁵¹ Неясность связана со староюрьевским комплексом. В публикации сказано: «Костяк не сохранился» (Пряхин, 1972, с. 235).

⁵² Известны пол и возраст погребенных в п. 2 Второго Липецкого кургана: двое мужчин 25–35 лет, мужчина 30–40 лет и возможно женщина 25–30 лет (Казарницкий, 2016, с. 19), но могила ограблена и неясно, кому из умерших был положен шип (или псалий?). Можно лишь заметить, что шип или псалий положены, скорее всего, кому-то из мужчин в северной части ямы.

⁵³ Впрочем, мы и раньше подчеркивали недостаточность информации из-за частично разрушенных комплексов (Подобед и др., 2016б, с. 47).

демонстрировать знакомую картину: псалии сопровождали лиц, имевших отношение не только к военной, но и к другим функциям (Подобед и др., 2016б, с. 48).

В ранее опубликованном тексте мы в конце нашей работы затронули среднеазиатские погребальные комплексы, в которых были найдены щитковые псалии (Подобед и др., 2016б, с. 50). Такие комплексы встречаются чрезвычайно редко, а потому прошло слишком мало времени, чтобы количество их увеличилось. Речь идет о двух захоронениях с деталями конской узды, выявленных в Зеравшанской долине и относящихся к зеравшанскому варианту Бактрийско-Маргианского археологического комплекса. Псалии из этих комплексов типологически близки некоторым из упоминавшихся выше (ср. Аванесова, Ташпулатова, 2012, с. 52), но сами комплексы представляют совершенно иной культурный мир. Один из комплексов был обнаружен в Зардчахалифа⁵⁴ (Согдийский вилоят, Таджикистан). В погребении взрослого, кроме псалиев и удила (2 комплекта), находились керамические сосуды (3), бронзовые сосудики (3), каменные пест и заготовка пряслица, бронзовые кинжал, нож, заклепки (4), «застежки» (4), булавка с зооморфной головкой, золотые височное кольцо, бисер и накладка, бисер из бирюзы, костяные фрагмент трубки и заготовка застежки (Бобомуллоев, 1999, с. 307–309; Массон, 1999, с. 272). Возможно, комплекс синхронен синташтинской культуре (Массон, 1999, с. 272; Аванесова, Ташпулатова, 2012, с. 51; Бочкарев, Кузнецов, 2014, рис. 1: 5, 6).

Повторим наши выводы по поводу того, что «обилие украшений в захоронении позволяет с известной долей осторожности предполагать, что оно являлось женским. Присутствие в составе комплекса песта (ср.: Подобед и др., 2015б) и заготовки пряслица свидетельствует, на наш взгляд, о причастности погребенной к ритуальной функции и «ремеслу»» (Подобед и др., 2016б, с. 50).

Второй комплекс – могила 2 могильника Сазаганское Староречье (Самаркандский вилоят, Узбекистан) (Аванесова, 2002, с. 20–21; Аванесова, Ташпулатова, 2012, рис. 3). В погребении мужчины 25–30 лет, помимо двух псалиев, семи керамических сосудов, двух бронзовых ножей (один лежал на деревянном блюде вместе с костями козы) и бронзовой булавки, присутствовали разнообразные артефакты, образовывавшие скопления:

а) локализовавшиеся у стоп погребенного каменная кирка для «обкапывания и извлече-

⁵⁴ Вариант названия: Зарчахалифа (Аванесова, 2013, с. 39), Зардча-Халифа (Чечушков, 2013, с. 44; Франкфор, 2014, с. 114, 115).

ния твердой породы», подставка-наковальня из гальки, кремневые резец, сверло, развертка и наконечник стрелы, на котором имеются следы вторичного использования в качестве сверла для работы по камню, а также еще 2 наконечника стрел (кремневый и из окремненного известняка);

б) куски бирюзы (на одном видны следы сверления) и лазурита, лежавшие в одном из сосудов;

в) находившиеся в кожаном мешочке на поясе бусы из хлорита, лазурита и сердолика, в т.ч. заготовки (отсутствуют отверстия) и бракованные экземпляры с нестыковкой двустороннего канала сверления;

г) бусы из лазурита, бирюзы и агата, концентрировавшиеся близ черепа (украшения головного убора?) (Аванесова, 2010, с. 338–339, 341–343, 346–347, 349–354, 356).

Н.А. Аванесова довольно убедительно показала, что умерший являлся «мастером-ювелиром», изготавливавшим бусы из самоцветов, о чем свидетельствует присутствие в могиле соответствующих орудий (кремневые резец, сверло и развертка (Аванесова, 2010, с. 352)), сырья (необработанные куски лазурита и бирюзы), бракованных изделий, заготовок. Псалии же, как считает автор, подчеркивали «высокий статус» погребенного (Аванесова, 2010, с. 356–357). Хронология сазаганских комплекса, как считают Н.А. Аванесова и Н.А. Ташпулатова: констатирует «факт хронологического приоритета ... по отношению к памятникам синташтинского и потаповского круга» (2012, с. 52).

Как видно, накопление новой информации в течение нескольких лет внесла некоторые уточнения и небольшие изменения в наши выводы, но основные из них остались те же. Чем больше захоронений с псалиями вводится в научный оборот, тем все более сомнительной становится гипотеза, согласно которой данные артефакты маркируют прежде всего носителей военной функции, сражавшихся на колесницах. Среди погребенных, которым сопутствовала эта узда, а порой – и повозки

или их колеса, больше было тех, кто играл при жизни не военные общественные роли. «В частности, многих из этих людей правомерно причислять к т.н. «священным царям» – властителям, обладавшим, по мнению соплеменников, магическими способностями, позволявшими им обеспечивать благополучие социума в самых разных сферах жизни и, вдобавок, поддерживать миропорядок. Конская узда в контексте погребального обряда рассматриваемых культур, скорее всего, была символической заменой двухколесной повозки. Данные повозки, учитывая сложность и дороговизну их изготовления, несомненно, являлись элитным (возможно, – даже исключительно обрядовым) видом транспорта. Соответственно, упряжь, положенная в могилу, была знаком высокого общественного положения усопшего и/или его причастности к сфере сакрального. В этом своем качестве узда могла сопровождать и «священного царя», и носителя «светской» власти, и служителя культа, не имевшего отношения к отправлению властной функции, и «ремесленника», и воина, и просто выдающегося члена социума, и, в редких случаях, даже ребенка или подростка, обладавшего в глазах соплеменников какими-то качествами, не вполне понятными нам, но важными для них» (Подобед и др., 2016б, с. 50–51).

Волей случая, мы сравнили свои же выводы после непродолжительного времени и некоторого накопления нового материала. Интересно, что из наших выводов останется неизменным через, скажем, пару десятков лет? Что окажется ошибочным и выявит нашу поспешность или неверные шаги? Наступит ли время выделения V этапа предложенной нами классификации литературы, посвященной погребальным комплексам с псалиями? Надеемся, кто-либо из ныне здравствующих авторов этой работы все узнает. В основе ответа на эти вопросы лежат будущие находки псалиев в погребениях, и мы надеемся, что таких радостных случаев нас ждет немало.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесова Н.А. Новые материалы эпохи бронзы Зарафшанской долины // Узбекистонда археологик тадқиқотлар 2001-йил / масъул муҳаррир т.ф.д. Т.Ш. Ширинов. Тошкент: Абдулла Кодирий номидаги халк мероси нашриети, 2002. С. 20–25.

Аванесова Н.А. Зерафшанская культурная провинция Бактрийско-Маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации. Сборник к 80-летию В.И. Сарияниди. Труды Маргианской археологической экспедиции / Ред. П.М. Кожин и др. СПб.: Алетей, 2010. С. 334–364.

Аванесова Н.А. Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд: изд. МИЦАИ, 2013. 640 с.

Аванесова Н.А., Ташпулатова Н.А. К проблеме коневодства Средней Азии // O'zbekiston arxeologiyasi. № 1 (4) / Гл. ред. Т.Ш. Ширинов. Самарканд, 2012. С. 50–60.

Африканов Ю.А. Археологические памятники у ст. Буровка, с. Ново-Яблоновка и с. Дубовый Гай // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам исследований в 2005–2006 гг.) / Ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2010а. С. 119–155.

Африканов Ю.А. Курганы эпохи бронзы у разъезда Суворовский // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам исследований в 2005–2006 гг.) / Ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2010б. С. 7–15.

Багаутдинов Р.С. Отчет о раскопках курганных групп Урень I, II, IV в Старо-Майнском районе Ульяновской области по открытому листу № 446 в 1992 г. / Архив ИА РАН. Р-1, №18322.

Бандрівський М. Про час появи швидкохідних одноосьових транспортних засобів культового (та бойового - ?) призначення на заході Українського лісостепу // Історія релігій в Україні. Праці XIII-ї міжнародної наукової конференції. Кн. I. Львів: Логос, 2003. С. 8–18.

Бандрівський М.С. До питання про датування кістяних стрижнеподібних псаліїв і поширення одноосьових колісниць (за матеріалами розкопок 2015 р. кургану в Гусятині на Збручі) // Археологія та етнологія півдня Східної Європи / Відп. ред. Маріна. Дніпро: Ліра, 2016. С. 49–58.

Бендесу-Сармиенто Х. Погребальные обряды и биологическая антропология в протоисторическом Казахстане (андроновская и сакские культуры II – I тысячелетий до н.э.) // Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. Т. I. / Научн. ред. А.-П. Франкфор. Самарканд: МИЦАИ, 2014. С. 181–212.

Березуцкий В.Д., Золотарев П.М. Археологические древности земли воронежской. М.: Братишка, 2007. 448 с.

Берсенева Н.А. О подходах к изучению милитаризации синташтинского общества // КСИА. 2013. Вып. 231. С. 36–43.

Берсенева Н.А. Возрастная и гендерная дифференциация в обществах Южного Урала II тыс. до н.э. (по материалам погребальных памятников). Т. I. Дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2019. 410 с.

Бобомуллов С. Раскопки гробницы бронзового века на Верхнем Зеравшане // Stratum plus. №2. СПб., Кишинев, Одесса, 1999. С. 307–313.

Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Труды музея-заповедника Аркаим / Ред. тома А.Д. Таиров. Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 64–88.

Бочкарев В.С. О некоторых характерных чертах эпохи бронзы Восточной Европы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Кн. 2 / Ред. В.А. Алекшин и др. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 13–24.

Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф. Желобчатые псалии эпохи поздней бронзы евразийских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии / Гл. ред. П.Ф. Кузнецов. Екатеринбург, Самара, Донецк: ИЭРЖ УрО РАН, 2010. С. 292–343.

Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф. Культурно-типологические характеристики древнейших дисковидных псалиев Северной Евразии // Проблемы периодизации хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. Материалы тематической научной конференции / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб.: Скифия-принт, 2013. С. 61–79.

Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф. Основные этапы развития щитковых псалиев Северной Евразии // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии) / Отв. ред. П.Ф. Кузнецов. Самара: ПГСГА, 2014. С. 5–10.

Бочкарев В.С., Кузьмина Е.Е., Кузнецов П.Ф., Усачук А.Н. Основные итоги изучения возникновения и распространения колесничества // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии / Гл. ред. П.Ф. Кузнецов. Екатеринбург, Самара, Донецк: ИЭРЖ УрО РАН, 2010. С. 344–345.

Василенко А.И. Про роль кінних колісниць у війнах II тис. до н.е. // Вісник Східноукраїнського національного університету. № 4 (38) / Відп. за вип. В.Ф. Литвиненко. Луганськ: СНУ, 2001. С. 62–79.

Василенко А.И. Реконструкция крепления и назначения пряжек эпохи средней-поздней бронзы (в связи с трасологическими исследованиями А.Н. Усачука) // Проблемы эпохи бронзы Великой Степи / Ред. кол. И.Ф. Ковалева и др. Луганск, 2005. С. 71–110.

Василенко А.И. О щитковых псалиях с шипами бабинской культуры (к вопросу о происхождении колесничества) // Происхождение и распространение колесничества / Автор проекта А.И. Василенко. Луганск: Глобус, 2008. С. 130–165.

Васильев И.Б. Раскопки в Куйбышевской области // АО 1973 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1974. С. 135–137.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // Археологические вести. Вып. 1 / Отв. ред. В.М. Массон. СПб., 1992. С. 52–63.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: СамГУ, 1994. 208 с.

Васюткин С.М., Горбунов В.С., Пшеничнюк А.Х. Курганные могильники Южной Башкирии эпохи бронзы // Бронзовый век Южного Приуралья / Отв. ред. М.Ф. Косарев. Уфа: БФАН, 1985. С. 67–88.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: ЮУКИ, 2003. 362 с.

Волков В.А. Памятники покровского типа в системе «культур боевых колесниц» // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. Т. 4 / Відп. ред. О.В. Колесник (част. перша), І.І. Мартинчук (част. друга). Донецьк: ДонНУ, 2004. С. 35–37.

Воронин Г.В. Раскопки кургана у п. Отрадное // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2015 / Отв. ред. Н.Е. Чалых. Липецк, 2016. С. 45.

Гамалин А.А. К вопросу о колеснице как знаке социального статуса (по материалам синташтинского археологического комплекса) // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (Материалы ХLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции) / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2001. С. 223–225.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: ЮУКИ, 1992. 408 с.

Герикович Я.П. Про наукову етику, корупцію й підступи Комінтерну (з приводу збірки «Проблеми охрани и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы») // Археология. 2010. № 4. С. 120–125.

Гилева Ю.В. Курганный могильник Озерное – 1 в системе древностей поздней бронзы лесостепного Притоболья // XLIV международная Урало-Поволжская студенческая конференция (Екатеринбург, 5–9 февраля 2012 г.): тезисы докладов / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: УрГУ, 2012. С. 71–74.

Гилева Ю.В., Худобородова В.В. Озерное 1 – новый погребальный памятник периода поздней бронзы в лесостепном Притоболье // XLIII международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Оренбург; 1–3 февраля 2011 г.: материалы и тезисы докладов / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2011. С. 73–75.

Голотвин А.Н., Пряхин А.Д. Глава 1. Исследование кургана 2 Липецкого могильника // Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры / Научные труды ООО НПО «Черноземье». Вып. 4 / Отв. ред. А.Н. Усачук. Липецк, Воронеж: Новый взгляд, 2016. С. 5–17.

Григорьев С.А. Основные этапы и проблемы культуруогенеза // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культуруогенеза) / Ред. С.Г. Боталов и др. Челябинск: Рифей, 2006. С. 188–224.

Денисов И.В. Древнейшая история Южного Урала. Учебно-методические материалы для студентов I-го курса по специальности «070002 – Отечественная история». Стерлитамак: СтГПИ, 2000. 110 с.

Денисов И.В. Могильники эпохи бронзы Обилькинского Луга близ Соль-Илецка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. V / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2001. С. 38–48.

Дмитриев Е.А. К вопросу о выделении нуринской культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана (взгляд сквозь призму историографии и современные реалии) // История и археология Семиречья: сб. статей и публикаций. Вып. 5 / Шеф-ред. Т.А. Егорова. Алматы, 2017. С. 24–31.

Дремов И.И. Погребение из кургана у с. Старицкое (Саратовская обл.) // КСИА. 1991. № 203. С. 101–105.

Дремов И.И. Материалы из курганов у с. Березовка Энгельсовского района и некоторые вопросы социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2 / Науч. ред. А.И. Юдин. Саратов: КИХН, 1997. С. 146–165.

Дремов И.И. Региональные различия престижных погребений эпохи бронзы (особенности покровской группы) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2003. С. 72–93.

Епимахов А.В. К вопросу о «деградации» колесничного комплекса в период поздней бронзы в Южном Зауралье (по материалам могильника Николаевка II) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. № 2 / Гл. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: ЧГПУ, 2004. С. 105–111.

Епимахов А.В. Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала / Труды музея-заповедника Аркаим. / Ред. тома А.Д. Таиров. Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 22–42.

Епимахов А.В. Могильник эпохи бронзы Солончанка IА и вопрос интерпретации одиночных синташтинских курганов // Псалми. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности / Археологический альманах. № 15 / Отв. ред. А.Н. Усачук. Донецк: ДОКМ, 2004. С. 99–102.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. 192 с.

Епимахов А.В. «Горизонт колесничных культур» бронзового века: оценка эвристических возможностей // Известия Челябинского научного центра УрО РАН. Вып. 1 (39). 2008. С. 92–96.

Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Вариативность погребальной практики синташтинского населения (поиск объяснительных моделей) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 11. Вып. 3: Археология и этнография. Новосибирск, 2012. С. 148–170.

Епимахов А.В., Чечушков И.В. «Горизонт колесничных культур» Северной Евразии: поэтическая метафора и историческое содержание // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. М., Магнитогорск, Новосибирск, 2008. С. 480–500.

Ермолаева А.С. Петровско-нуртайские жилища-мастерские на поселении Талдысай // Евразия археологиясының өзекті мәселелері. Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 25 жылдығына және Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының 25 жылдығына арналған халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясы материалдарының жинағы / Жауапты ред. Б.Ә. Байтанаев. Алматы, 2016. С. 126–141.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Абашевская культура в Поволжье // МИА. 1961. № 97. С. 43–110.

Жауымбай С.У., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Шохатаев О.С. Новые сведения о ранней истории андроновских племен Центрального Казахстана (по материалам кургана 7 могильника Талдинский-1) / Бас ред. Б.Ә. Байтанаев // Қазақстан археологиясы. № 1–2, 2018. С. 224–234.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: УрГУ, 1988. 181 с.

Зданович Д.Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск: СПЛИАЦ, ЧГУ, 1997. 94 с.

Зеленев Ю.А., Юдин А.И. Курган у села Дубовый Гай // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам исследований в 2005–2006 гг.) / Ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2010. С. 134–155.

Зудина В.Н. Археологические древности Южного Средневожья (пособие – путеводитель). Самара: СамГУ, 1998. 123 с.

Льчишин В. Поховання коней епохи бронзи в кургані біля Гусятини Тернопільської області // Вісник рятівної археології (Acta archaeologiae conservativae). Вип. 2 / Відп. ред. Р.В. Терпиловський. Львів: РАС ІА НАН, 2016. С. 77–90.

Ильюков Л.С. Кто осаждал Ливенцовско-Каратаевскую крепость в низовьях Дона? // КСИА. 2013. Вып. 231. С. 21–28.

Ильюков Л.С. Новый тип бабинских пряжек: костяная застежка в виде бусины // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2(2). 2014. С. 54–58.

Ильюков Л.С. Костяные пряжки-запонки бабинской культуры // Наука Юга России (Вестник Южного научного центра). 2016. Т. 12, № 2. С. 98–104.

Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. Николаевские курганы («Елена») на реке Sterля в Башкортостане. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2009. 240 с.

Казарницкий А.А. Глава 2. Антропологические материалы из кургана 2 Липецкого могильника // Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры / Научные труды ООО НПО «Черноземье». – Вып. 4. / Отв. ред. А.Н. Усачук. Липецк, Воронеж: Новый взгляд, 2016. С. 18–22.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 9. 2008. С. 32–58.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Погребение 20 могильника Бестамак // «Кадырбаевские чтения – 2012» / Науч. ред. А.А. Бисембаев. Актобе: ГKKП АкЦИЭА, 2012. С. 77–82.

Ковтун В.И. Конь и лыжник: Труды Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Т. IV. Томск: ТОГУ, 2012. 128 с.

Кожин П.М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите – раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток: Дальнаука, 2007. 428 с.

Кожин П.М. Древний колесный транспорт: состояние проблем и рабочие гипотезы // Научное обозрение Саяно-Алтая. Серия «Археология». Вып. 2, № 1 (9) / Гл. ред. В.Н. Тугужекова. Абакан, 2015. С. 2–18.

Кони, колесницы и колесничие степей Евразии / Гл. ред. П.Ф. Кузнецов. Екатеринбург, Самара, Донецк: ИЭРЖ УрО РАН, 2010. 370 с.

Костомарова Ю.В. О хозяйственной деятельности алакульского населения лесостепного Притоболья (по результатам функционального анализа орудий труда) // Андроновский мир: сборник статей / Ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: ТГУ, 2010. С. 69–83.

Кочерженко О.В. Курганы эпохи поздней бронзы у пос. Сторожевка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году / Науч. ред. А.И. Юдин. Саратов: ДОРИПШИК, 1996. С. 53–56.

Кочерженко О.В., Слонов В.Н. О социальной структуре «колесничных» обществ и феномене «колесничных» культур бронзового века Евразии // Античный мир и археология. Вып. 14 / Отв. ред. С.Ю. Монахов. Саратов: СГУ, 2010. С. 408–417.

Кузнецов П.Ф. Время появления колесниц эпохи бронзы в Восточной Европе // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Спец. выпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук» / Гл. ред. В.П. Шорин. Самара: СЦ РАН, 2005. С. 179–185.

Кузнецов П.Ф. Древнейшие колесницы погребальных комплексов Евразии // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко: Материалы / Отв. ред. В.А. Алекшин. СПб., 2016. С. 36–39.

Кузнецов П.Ф. О реконструкции древнейших колесниц Евразии // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. № 8. Самара: СГТУ, 2017. С. 39–54.

Кузнецов П.Ф., Усачук А.Н. Общее и особенное в изготовлении псалиев из Урени – деталей упряжи боевых колесниц // Stratum plus. № 2. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест, 2019. С. 335–341.

Кузнецов П.Ф., Чаплыгин М.С. Новый памятник абашевской культуры Приуралья // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарева / Отв. ред. А.В. Поляков, Е.С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 225–229.

Кузьмина О.В., Кузнецов П.Ф., Крамарев А.И., Салугина Н.П., Хохлов А.А., Рослякова Н.В., Васильева Д.И. Эпоха бронзы Самарского Поволжья // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области): Научно-популярное издание / Отв. редактор М.А. Турецкий. Самара: САО, 2012. С. 6–36.

Кукушкин И.А. Основы социальной организации андроновских племен // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье) / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Компания Радуга, 2003. С. 52–56.

Кукушкин И.А. Археологические исследования могильника Ащису. Курган 1 // Историко-культурное наследие Сары-Арки / Отв. ред. В.Г. Ломан. Караганда: КОГИОИKN, 2007. С. 40–63.

Кукушкин И.А. Колесничные комплексы Центрального Казахстана // Известия НАН РК. Серия общественных наук. № 1. 2010. С. 25–31.

Кукушкин И.А. Археологические комплексы Казахстана с колесничной атрибутикой. Новый аспект в археологии бронзы Казахстана // Мыңжылдықтар куәлары: Қазақстан археология ғылымы 20 жылда (1991–2011) / Бас ред. Б.А. Байтанаев. Алматы, 2011. С. 97–113.

Кукушкин И.А. Могильник Кызылколь. Курган 1 // Ежелгі Торғай – ұлы дала төсіндегі асыл алқа. Виктор Николаевич Логвинның 70 жылдық мерейтойына арналған ғылыми мақалалар жинағы / Жауапты ред. А. Бейсенов. Қостанай, Алматы, 2015. С. 392–405.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Раннеалакульские древности могильника Танабай (по материалам кургана 4) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (41). Тюмень, 2018. С. 28–40.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Колесничный комплекс могильника Табылды (Центральный Казахстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 47, № 4. 2019. С. 43–52.

Кукушкин И.А., Кукушкин А.И. Некоторые итоги исследований могильника Танабай // Қазақ хандығы тарих толқынында: Қазақ хандығының құрылуының 550 жылдығына арналған ғылыми мақалалар жинағы / Бас ред. Б.Ә. Байтанаев. Алматы, 2015. С. 670–681.

Кукушкин И.А., Ломан В.Г. Краткие итоги исследований элитных курганов эпохи бронзы Центрального Казахстана // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, А.Г. Ситдинов. Казань: Отечество, 2014. С. 584–587.

Курьянова Е.В. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1 (раскопки 2008, 2010–2011, 2014 гг.). Челябинск: Энциклопедия, 2016. 119 с.

Курьянова Е.В. Альтернативные погребальные практики: погребения людей на поселениях бронзового века // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии: сборник научных трудов к 80-летию Геннадия Борисовича Здановича / Отв. ред. Д.Г. Зданович. Челябинск: ЧГУ, 2018. С. 184–197.

Курьянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.

Курьянова Е.В., Стоколос В.С., Петров Н.Ф., Батанина Н.С. Могильник Степное 25: культурный синкретизм на границе степи: Челябинск: ЧГУ, 2020. 155 с.

Купцова Л.В. Срубная культура Оренбургского Предуралья (по материалам погребальных памятников). Дисс. ... канд. ист. наук. Т. I. Оренбург, 2016. 255 с.

Курманкулов Ж.К., Ермолаева А.С. Археология эпохи бронзы в независимом Казахстане // Мыңжылдықтар куәлары: Қазақстан археология ғылымы 20 жылда (1991–2011) / Бас ред. Б.А. Байтанаев. Алматы, 2011. С. 69–84.

Лапшин А.С. Памятники раннего и среднего этапов эпохи поздней бронзы Волго-Донского региона (по материалам погребальных памятников): дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2006. 312 с.

Литвиненко Р.О. До проблеми псалів, бойових колісниць і воїнів-колісничих у бабинській культурі // Археологія. 2005. № 4. С. 37–52.

Литвиненко Р.О., Ляшко С.М. Курган дніпро-донської бабинської культури поблизу с. Новогупалівка на Дніпровському Припоріжжі // Донецький археологічний збірник. № 21 / Гол. ред. Р.О. Литвиненко. Вінниця: ДУ, 2018. С. 155–174.

Логвин А.В. Синташтинско-петровские древности Тургайского прогиба. Дисс. ... канд. ист. наук. Т. 1. Кемерово, 2019а. 190 с.

Логвин А.В. Синташтинско-петровские древности Тургайского прогиба. Дисс. ... канд. ист. наук. Т. 2. Приложения. Кемерово, 2019б. 239 с.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Элитное погребение синташтинско-петровского времени с могильника Бестамак // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова / Отв. ред. С.Ф. Татауров, И.В. Толпеко. Омск: ОГУ, 2008. С. 190–197.

Лопатин В.А. Элементы социоструктуры позднепервобытных индоиранских обществ Центральной Евразии // Поволжский край. Археология, история, источниковедение Поволжья. Вып. 12 / Отв. ред. В.Н. Данилов. Саратов: СарУ, 2005. С. 22–33.

Лопатин В.А. Бородаевские курганы (по раскопкам 1982 года на Малом Карамане) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 7 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2009. С. 44–97.

Лопатин В.А. Пространство доно-волжского вектора культурогенеза // Известия Саратовского университета. Т. 11. Серия История. Международные отношения, вып. 2, ч. 1 / Гл. ред. Л.Ю. Коссович. Саратов: СГУ, 2011. С. 100–104.

Лопатин В.А. Памятники покровского типа: ключевые вопросы историографии (вторая половина XX – начало XXI вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3 (41) / Гл. ред. М.Г. Абрамзон. М, Магнитогорск: МаГГУ, 2013. С. 100–113.

Лопатин В.А. Векторы культурогенеза и проблема становления срубной культуры на севере Нижнего Поволжья // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарева / Отв. ред. А.В. Поляков, Е.С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 23–25.

Лысенко С.Д. Костяные пряжки Среднего Поднепровья – отголоски «героической эпохи» в евразийской степи // Происхождение и распространение колесничества / Автор проекта А.И. Василенко. Луганск: Глобус, 2008. С. 166–182.

Ляхов С.В. Курганный могильник к востоку от пос. Сторожовка // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX / Гл. ред. А.Б. Белинский. Ставрополь: Наследие, 2009. С. 131–146.

Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2003а. С. 157–219.

Малов Н.М. Заготовка дисковидного псаля с селища Баланбаш // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции / Ред. кол. В.С. Бочкарев и др. Чебоксары, 2003б. С. 128–132.

Малов Н.М. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно – исторической области // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2007. С. 34–92.

Малов Н.М. Погребение покровской культуры с фрагментами щитковых псаляев из Тарумовского индивидуального кургана №2 // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 9 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: СарУ, 2012. С. 74–90.

Массон В.М. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // Stratum plus. № 2. СПб., Кишинев, Одесса, 1999. С. 265–285.

Матвеев А.В., Волков Е.Н., Костомарова Ю.В. Материалы новых раскопок Хрипуновского могильника // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной) / Отв. ред. М.П. Вохменцев. Курган: КУ, 2007. С. 108–113.

Матвеев Ю.П. О векторе распространения «колесничных» культур эпохи бронзы // РА. 2005. № 3. С. 5–15.

Матвеев Ю.П., Сафонов И.Е., Добрынин А.В. Исследование кургана эпохи бронзы в могильнике Красный 1 // Пастушеские скотоводы Восточноевропейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации) / Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 19 / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 2005. С. 139–147.

Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск: Наука, 2003. 174 с.

Матюхин А.Д. Погребение с псалями из Саратовского Правобережья // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6 / Науч. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: ВолГУ, 1998. С. 60–63.

Медведев А.П. Итоги археологических исследований в низовьях р. Елань (курганные могильники Правобережья) // Археология восточноевропейской лесостепи: сборник научных статей международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А.Г. Николаенко / Отв. ред. В.А. Сарапулкин. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. С. 11–38.

Медведев А.П., Матвеев Ю.П., Усачук А.Н. Погребение колесничего из могильника Елка 1 // Археология евразийской лесостепи-степи: сборник научных статей / Отв. ред. В.Н. Глазьев. Воронеж: ВГУ, 2016. С. 43–55.

Мельников Е.Н. Покровско-абашевские погребения кургана у с. Большая Пластица // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции / Ред. кол. В.С. Бочкарев, С.Н. Корневский, П.Ф. Кузнецов и др. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 239–247.

Мионов О.В. Отчет о работе Тамбовской археологической экспедиции по раскопкам парных курганов у пос. Пудовкин в 2013 году. Тамбов, 2014 // Архив ИА РАН. Р-1. № 40870.

Михайлова О.В., Кузьмина О.В. Новые памятники эпохи бронзы в Самарском Поволжье // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. 1 / Ред. кол. О.В. Зубова и др. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1999. С. 98–141.

Моисеев А.А. К вопросу о колесницах эпохи бронзы евразийской степи-лесостепи (происхождение, назначение, значение) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I / Ред. О.И. Богуславский и др. СПб., М., Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 248–249.

Моисеев А.В. Соотношение средневолжских и доно-волжских абашевских древностей (к историографии вопроса) // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции / Ред. кол. В.С. Бочкарев, С.Н. Корневский, П.Ф. Кузнецов и др. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 70–75.

Моисеев Н.Б. Курганы Окско-Донской равнины. Памятники Тамбовской области. Тамбов: Компьютерный центр, 1998. 63 с.

Моисеев Н.Б., Ефимов К.Ю. Пичаевский курган // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.) / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СамГПУ, 1995. С. 72–81.

Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Литвиненко Р.А., Усачук А.Н. Погребение колесничего из бассейна Дона // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности / Археологический альманах. № 15 / Отв. ред. А.Н. Усачук. Донецк: ДОКМ, 2004. С. 128–138.

Новиков И.К. Предварительные итоги исследований могильника позднего бронзового века Озерное-1 в Убаганно-Тобольском междуречье // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: Материалы Всероссийской научной конференции «VI Емельяновские чтения» (Курган, 26–28 апреля 2012 г.) / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: КУ, 2012. С. 47–49.

Новожинов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М.: Таус, 2012. 500 с.

Новоженев В.А. Распространение колесного транспорта: модель «кочевой» прародины // Тайнство этнической истории древнейших кочевников степной Евразии / Гл. ред. А.В. Епимахов. Алматы: Остров Крым, 2014. С. 47–125.

От редколлегии // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области): Научно-популярное издание / Отв. редактор М.А. Турецкий. Самара: САО, 2012. С. 4–5.

Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ: ІА НАН України, 2001. 288 с.

Отрощенко В.В. Історія племен зрубної спільності: автореф. дис. ... докт. іст. наук. Київ, 2002. 33 с.

Отрощенко В.В. Колісничі бабинської культури в графічному та рельєфному відтворенні // МДАСУ. № 4 / Гол. ред. С.М. Санжаров. Луганськ: СЛУ ім. В. Даля, 2005. С. 235–242.

Отрощенко В.В. Полеміка стосовно західного вектора руху колісничих // Записки наукового товариства імені Шевченка. Т. ССІІІ. Праці археологічної комісії / Ред. О. Купчинський. Львів: Наук. тов-ва ім. Шевченка, 2007. С. 206–214.

Отрощенко В.В. К дискуссии о векторах движения колесничих в эпоху бронзы // Археология восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. И.Е. Сафонов. Воронеж: полиграф. центр ВГУ, 2009а. С. 66–72.

Отрощенко В.В. Євразійський степовий міст за доби бронзи (III–II тис. до Хр.) // Взаємозв'язки культур епох бронзи і раннього заліза на території Центральної та Східної Європи (Збірка наукових праць на пошану Л.І. Крушельницької) / Відп. ред. В.В. Отрощенко. Київ, Львів, 2009б. С. 17–20.

Отрощенко В.В. Герой чи заробітчанин? // Магістеріум. Вип. 53. Археологічні студії / Ред. Л.Л. Залізняк та ін. Київ: НаУКМА, 2013. С. 18–21.

Отрощенко В.В. Образний ряд карпато-мікенського орнаментального стилю // Магістеріум. Вип. 67. Археологічні студії / Ред. Л.Л. Залізняк та ін. Київ: НаУКМА, 2017. С. 43–53.

Плешиаков А.А., Мартынюк О.И., Баев А.В. Могильник эпохи бронзы Баганаты III. Петропавловск: СКГУ им М. Козыбаева, 2005. 82 с.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Псалии, «забытые» в оставленном доме (по материалам поселений Азии и Восточной Европы эпохи бронзы) // Древности Сибири и Центральной Азии. № 3 (15) / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010а. С. 14–33.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Погребение срубной культуры из Комсомольского (Астраханская область): некоторые аспекты осмысления // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия / Отв. ред. Д.П. Васильев. Астрахань: АГУ, 2010б. С. 107–116.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Погребения с орудиями кожевенного производства в степных культурах эпохи бронзы // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3 / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы, 2011а. С. 279–297.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Исчезнувшие верования и позабытые герои (кожевенный инструментарий в ритуалах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 12 / Отв. ред. И.В. Бруяко. Одесса, 2011б. С. 86–124.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Конская узда – атрибут инициаций? (По материалам культур степной и лесостепной Евразии финала поздней бронзы и начала раннего железа) // Древности Сибири и Центральной Азии. № 5 (17) / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013. С. 23–44.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Взнуздавшие лошадь (стержневидные псалии Евразии конца II – начала I тыс. до н.э.: типологические и хронологические сопоставления) // Древности Сибири и Центральной Азии. № 7 (19) / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. С. 85–117.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Тупики в культурах бронзового века (некоторые аспекты семантики) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований сборник статей, посвященный 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2015а. С. 255–260.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. «Песты» и «терочники» в обрядах срубной культуры / Гол. ред. Р.О. Литвиненко // Донецкий археологічний збірник. № 19. Вінниця: ДУ, 2015б. С. 58–84.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Псалии Центральной и Южной Европы от Оарца де Сус и Микен до Бабадага: археологические контексты // Revista Arheologică, serie nouă, vol. XII, nr. 1–2 / Redactor șef O. Levițki. 2016а. С. 61–79.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Погребения с древнейшими псалиями степной Евразии: социологическая интерпретация // Уфимский археологический вестник. Вып. 16 / Гл. ред. В.В. Овсянников. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016б. С. 28–71.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Конская узда маклашеевской культуры: проблема происхождения // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 89–107.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Псалии водяных коней (одна из мифологем культур Евразии эпохи бронзы) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарева / Отв. ред. А.В. Поляков, Е.С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 44–47.

Происхождение и распространение колесничества / Автор проекта А.И. Василенко. Луганск: Глобус, 2008. 319 с.

Протоколы заседаний конференции «Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы» // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. II. Материалы конференции и дискуссии 21–25 августа 1995 г., Саратов / Отв. ред. В.С. Бочкарев. СПб., 1995. С. 73–95.

Пряхин А.Д. Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево // СА. 1972. № 3. С. 233–243.

Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж: ВГУ, 1977. 168 с.

Пряхин А.Д. К оценке престижных захоронений волго-донской абашевской культуры кургана Селезни-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 81–87.

Пряхин А.Д. Основные вехи изучения абашевских древностей // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции / Ред. кол. В.С. Бочкарев и др. Чебоксары, 2003. С. 61–64.

Пряхин А.Д. Памятники покровского типа на современном этапе изучения в российской и украинской археологии // Древности 2011. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 10 / Гл. ред. С.И. Посохов. Харьков: ХарИА, ООО «НТМТ», 2011. С. 88–101.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П. Кондрашкинский курган. Воронеж: ВГУ, 1989. 20 с.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курган у с. Богоявленское // СА. 1991. № 1. С. 262–266.

Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. Воронеж: ВГУ, 1998. 44 с.

Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности / Археологический альманах. № 15 / Отв. ред. А.Н. Усачук. Донецк: ДОКМ, 2004. 170 с.

Рабаджиев К. Конят, колесница и конникът. Към интерпретацията на образа в тракийската култура. София: Св. Климент Охридски, 2014. 503 с.

Рыкушина Г.В. Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: ЮУКИ, 2003. С. 345–360.

Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Костяные псалии с поселения Токсабай. К вопросу о комплексе колесничих населения Устюрта в эпоху бронзы // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. № 1 / Бас. ред. М.Н. Сдыков. Уральск, 2007. С. 87–102.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. 1959. № 60. С. 39–205.

Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., Зацепин А.А. Плясоватские курганы // Археологические памятники бассейна Дона / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПУ, 2004. С. 162–177.

Синюк А.Т., Килейников В.В. Курган у села Введенки на Дону // СА. 1976. № 1. С. 159–169.

Синюк А.Т., Козмирчук И.А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СамГПУ, 1995. С. 37–72.

Синюк А.Т., Погорелов В.И. Курган № 16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии / Отв. ред. В.С. Горбунов. Уфа: БГПИ, 1993. С. 6–31.

Скоробогатов А.М., Боруцкая С.Б., Килейников В.В., Усачук А.Н. Новые комплексы неординарных погребений доно-волжской абашевской культуры // Археология евразийской лесостепи-степи: сборник научных статей / Отв. ред. В.Н. Глазьев. Воронеж: ВГУ, 2016. С. 56–73.

Снитковская П.А., Усманова Э.Р. Погребальная практика петровской культуры по материалам могильника Новоильиновский II // Вестник Пермского университета. История. Вып. 1 (44) / Гл. ред. Г.А. Янковская. Пермь: ПГНИУ, 2019. С. 73–86.

Соловьев А.И. В пыли колес: некоторые аспекты реконструкции военного дела населения андроновской культуры // Андроновский мир: сборник статей / Ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: ТГУ, 2010. С. 37–48.

Сотникова С.В. К вопросу о возможных истоках индоиранского культа священного напитка Сомы/Хаомы (по материалам памятников синташтинского типа) // Теория и практика археологических исследований. № 1 (9) / Гл. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2014. С. 74–86.

Сотникова С.В. Образ колесничего и культ священного напитка: реконструкция ритуалов и представлений (по материалам памятников эпохи бронзы) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 6. Памяти Виктора Ивановича Сарияниди / Гл. ред. Н.А. Дубова. М.: Старый сад, 2016. С. 386–417.

Ткачев А.А. Особенности нуртайских комплексов Центрального Казахстана // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 2. Тюмень, 1999. С. 22–29.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 2. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. 243 с.

Ткачев А.А. Могильник эпохи бронзы Майтан. Новосибирск: СО РАН, 2019. 529 с.

Ткачев В.В. Погребальные комплексы с щитковыми псалиями в степном Приуралье // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности / Археологический альманах. № 15 / Отв. ред. А.Н. Усачук. Донецк: ДОКМ, 2004. С. 7–30.

Ткачев В.В. Элитные погребения из могильника Жаман-Каргала I и проблема культурогенеза начала позднего бронзового века в Урало-Казахстанских степях // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия I. Исторические науки. Вып. 3 / Под ред. Н.Б. Виноградова. Челябинск, 2005. С. 50–74.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: АкОЦИЭА, 2007. 384 с.

Усачук А.Н. Древнейшие псалии (изготовление и использование). Ки; Донецк: ИА НАНУ, 2013. 304 с.

Усачук А.Н. Костяные и роговые «лопаточки»: поиски предназначения // Қазақстан археологиясы мен этнологиясы: өткені, бүгіні және болашағы атты «VII Оразбаев окулары» халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары / Жауапты ред. А.Б. Қалыш. Алматы: Қазақ университеті, 2015. С. 134–138.

Усачук А.Н. Глава 3. Костяные и роговые изделия из погребений кургана 2 Липецкого могильника // Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры / Научные труды ООО НПО «Черноземье». – Вып. 4. / Отв. ред. А.Н. Усачук. Липецк, Воронеж: Новый взгляд, 2016. С. 23–34.

Усачук А.Н., Кузнецов П.Ф. Псалии из Софьинского могильника: новый взгляд на старые находки // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 14. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 123–134.

Усачук А.Н., Кукушкин И.А. Щитковый псалий из Ащису и его аналогии // История и археология Семиречья: сб. статей и публикаций. Вып. 4 / Шеф-ред. Т.А. Егорова. Алматы: Родничок, 2011. С. 119–126.

Усачук А.Н., Ляхов С.В. Пара псалиев из Саратовского Поволжья // Донецкий археологический сборник. Вып. 12 / Гл. ред. П.В. Добров. Донецк: ДонНУ, 2006. С. 103–110.

Усачук А.Н., Чаплыгин М.С. Псалии из кургана у хутора Веселый возле Стерлитамака // Уфимский археологический вестник. Вып. 8 / Отв. ред. В.В. Овсянников. Уфа: Гилем, 2008. С. 59–68.

Усачук А.Н., Чаплыгин М.С. Псалии из кургана возле Стерлитамака // Археология восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. И.Е. Сафонов. Воронеж: ВГУ, 2009. С. 73–89.

Усманова Э.Р., Гумирова О.Н., Чечушков И.В. Галоп в вечность (посвящается А.Н. Марьяшеву) // История и археология Семиречья: сб. статей и публикаций. Вып. 6 / Шеф-ред. Т.А. Егорова. Алматы 2019. С. 75–84.

Усманова Э.Р., Чечушков И.В., Косинцев П.А., Суслов А.С., Лачкова М.К. Лошадь в духовной культуре и социальном устройстве населения Урало-Казахстанских степей в эпоху бронзы (по материалам могильника Новоильиновский II) // // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии: сборник научных трудов к 80-летию Геннадия Борисовича Здановича / Отв. ред. Д.Г. Зданович. Челябинск: ЧГУ, 2018. С. 198–215.

Франкфор А.-П. Цивилизация Окса и проблема индоариев в Центральной Азии // Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. Т. I. / Научн. ред. А.-П. Франкфор. Самарканд: МИЦАИ, 2014. С. 85–161.

Фрикке П.А. Локальные особенности в оформлении курганного пространства памятников петровской культуры // Поволжская археология. 2020. №1. С. 124–134.

Хаванский А.И. К вопросу социальной стратификации синташтинских погребений // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарева. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 233–234.

Халятин М.В., Порохова О.И. Погребальные комплексы эпохи бронзы у с. Красноселки в Самарском Поволжье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IV / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 2000. С. 109–126.

Худяков Ю.С., Белинская К.Ы. Копье как оружие, символ власти и военной организации у древних кочевников евразийских степей // Андроновский мир: сборник статей / Ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: ТГУ, 2010. С. 49–54.

Цимиданов В.В. Доно-волжская абашевская культура и памятники покровского типа: к проблеме соотношения // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского / Гл. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН. 2005. С. 66–81.

Цимиданов В.В. Социальная дифференциация в срубном обществе Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 9 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Полиграфия Поволжья, 2009. С. 52–73.

Черемисин Д.В. К дискуссии об информативности петроглифов и методах их изучения // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3 (27). С. 8–100.

Черленок Е.А. О расположении псалиев в погребениях Потаповского и Утевского могильников // Альманах молодых археологов. Сборник студенческого археологического общества / Науч. ред. И.Л. Тихонов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 54–59.

Чечушков И.В. Колесницы евразийских степей эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (15). 2011. С. 57–65.

Чечушков И.В. Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии (от Днепра до Иртыша): дисс. ... канд. ист. наук. М., 2013. 475 с.

Чечушков И.В., Епимахов А.В. Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии / Гл. ред. П.Ф. Кузнецов. Екатеринбург, Самара, Донецк: ИЭРЖ УрО РАН, 2010. С. 182–229.

Чечушков И.В., Овсянников А.А., Усманова Э.Р. К вопросу о времени начала использования желобчатых псалиев и возникновения всадничества (по материалам могильника Новоильиновский II в Северном Казахстане) // Археология, этнография и антропология Евразии Т. 48, № 2. 2020. С. 44–53.

Широкова М.А. Классификационная схема псалиев бронзового века юга Западной Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 12, вып. 7: Археология и этнография. Новосибирск, 2013. С. 142–149.

Юдин А.И. Изменение погребального обряда как отражение социальных процессов в первобытном обществе срубной культуры на примере новых памятников // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 142–149.

Юдин А.И., Матюхин А.Д. Социальная структура раннесрубного общества по материалам могильников Кочетное и Золотая Гора // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 6 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2005. С. 36–50.

Юдин А.И., Матюхин А.Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов: Научная книга, 2006. 116 с.

Anthony D.W. The horse, the wheel, and language: How Bronze Age riders from the Eurasian Steppes shaped the modern world. Princeton: Princeton University Press, 2007. 553 p.

Chechushkov I.V., Epimakhov A.V., Bersenev A.G. Early horse bridle with cheekpieces as a marker of social change: An experimental and statistical study // Journal of Archaeological Science. 97. 2018. P. 125–136.

Информация об авторах:

Подобед Вячеслав Анатольевич, старший научный сотрудник, Отдел охраны памятников археологии, Донецкий областной краеведческий музей (г. Донецк, Украина); archaeodon@front.ru

Усачук Анатолий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Донецкий областной краеведческий музей (г. Донецк, Украина); doold@mail.ru

Цимиданов Виталий Владиславович (1960-2019), кандидат исторических наук.

“...MY CHARIOT IS GILDED FOR AND MY HORSES ARE STOUT...” (ON SOCIOLOGICAL INTERPRETATION OF BURIALS WITH ANCIENT PSALIA IN STEPPE EURASIA)

*No, we have not become older or deafer;
We speak our words, as before ...*

Joseph Brodsky

V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov

The article analyzes the inventory of burials with psalia in the cultures of the Bronze Age of steppe Eurasia. The collection, where the first version of this article was submitted, had not been published for several years. During this period the authors continued to monitor the situation, noting both the new studied complexes and the new literature. A long-prepared collection has recently been released, but the accumulated data has allowed to propose an expanded version of the article, which is based on the information from 106 burial complexes. Based on the collected complexes, the authors attempt to determine the social status of the people buried with psalia. Information about the burials with psalia of several cultures (Sintashta, Petrovskaya, Potapovskaya, Alakulskaya, Pokrovskaya, Don-Volga Abashevskaya) or cultural entities (Nurtai complexes, Zeravshan version of the Bactrian-Margian archaeological complex) was collected by the authors. Throughout the new version of their work, the authors verify which of their conclusions have passed the test over the time period, however short it may be, and make adjustments in their earlier assumptions. After an analysis of the obtained information the authors concluded that the more burials with psalia are introduced into scientific discourse, the more questionable is the hypothesis that these artifacts primarily mark the carriers of military function who fought on chariots. The harness located in the grave was a token of a high social status of the deceased, but the person did not necessarily belong to a military function.

Keywords: psalia, burial, social structure, Sintashta, Petrovskaya, Potapovskaya, Alakulskaya, Pokrovskaya, Don-Volga Abashevskaya cultures, Nurtai complexes, Zeravshan version of the Bactrian-Margian archaeological complex, chariot.

REFERENCES

Avanesova, N. A. 2002. In Shirinov, T. Sh. (ed.). *Uzbekistonda arheologik tadkikotlar 2001-jil (Archaeological Studies in Uzbekistan in 2001)*. Tashkent, 20–25 (in Russian).

Avanesova, N. A. 2010. In Kozhin, M., Kosarev, M.F., Dubova, N.A. (eds.). *Na puti otkrutiia tsivilizatsii. (Towards the Discovery of Civilization)* Series: Trudy Margianskoi arheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Margiana archaeological expedition) 3. Saint Petersburg: “Aleteiia” Publ., 334–364 (in Russian).

Avanesova, N. A. 2013. *Buston VI – nekropol' ognepoklonnikov dourbanisticheskoi Baktrii (Buston VI - Necropolis of Fire Worshipers in Pre-Urban Bactria)*. Samarkand: “MITSAI” Publ. (in Russian).

- Avanesova, N. A., Tashpulatova, N. A. 2012. In *O'zbekiston arxeologiyasi (Archaeology of Uzbekistan)* 4(1), 50–60 (in Russian).
- Afrikanov, Yu. A. 2010a. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Saratovskogo Pravoberezh'ia: ot rannei bronzy do srednevekov'ia (po materialam issledovaniy v 2005–2006 gg.) (Archaeological Sites of the Saratov Right Bank: from the Early Bronze Age to the Middle Ages (Based on Study Materials of 2005-2006))*. Saratov: “Nauchnaya kniga” Publ., 119–155 (in Russian).
- Afrikanov, Yu. A. 2010b. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Saratovskogo Pravoberezh'ia: ot rannei bronzy do srednevekov'ia (po materialam issledovaniy v 2005–2006 gg.) (Archaeological Sites of the Saratov Right Bank: from the Early Bronze Age to the Middle Ages (based on Study Materials of 2005-2006))*. Saratov: “Nauchnaya kniga” Publ., 7–15 (in Russian).
- Bagautdinov, R. S. 1992. *Otchet o raskopkakh kurgannykh grupp Uren' I, II, IV v Staro-Mainskom raione Ul'ianovskoi oblasti po otkrytomu listu № 446 v 1992 g. (Report on the Excavations of the Uren I, II, IV Burial Mound Groups in Staro-Mainsky District of Ulyanovsk Oblast According to Open Sheet No. 446 in 1992)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Found. R-1, dossier 18322 (in Russian).
- Bandrivsky, M. 2003. In *Istoriia religii v Ukraini (History of Religion in Ukraine)*. 1. Lviv: “Logos” Publ., 8–18 (in Ukrainian).
- Bandrivsky, M. S. 2016. In *Arkheologii ta etnologii pivdnia Skhidnoi Evropy (Archaeology and Ethnology of the Great Europe)*. 149–58 (in Ukrainian).
- Bendezu-Sarmiento, H. 2014. In Frankfor, A. P. (ed.). *Arkheologii i istoriia Tsentral'noi Azii v trudakh frantsuzskikh uchenykh (Archaeology and History of Central Asia in the Works of French Scientists)*. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies Publ., 181–212 (in Russian).
- Berezutskii, V. D., Zolotarev, P.M. 2007. *Arkheologicheskie drevnosti zemli voronezhskoi (Archaeological Antiquities of the Voronezh Land)*. Moscow: “Bratishka” Publ. (in Russian).
- Berceneva, N. A. 2013. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 230. 36–43 (in Russian).
- Berceneva, N. A. 2019. *Vozrastnaia i gendernaia differentsiatsiia v obshchestvakh Iuzhnogo Urala II tys. do n.e. (po materialam pogrebal'nykh pamjatnikov). (Age and Gender Differentiation in the societies of the Southern Urals in the 2nd Millennium BC (Based on Materials from Burial Sites))*. 1. Diss. of Doctor of Historical Sciences. Ekaterinburg (in Russian).
- Bobomulloev, S. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 2. 307–313 (in Russian).
- Botalov, S. G., Grigor'ev, S. A., Zdanovich, G. B. 1996. In Tairov, A. D. (ed.). *Materialy po arkheologii i etnografii Iuzhnogo Urala (Materials on the Archaeology and Ethnography of the Southern Urals)*. Chelyabinsk: “Kamennyi poia” Publ., 64–88 (in Russian).
- Bochkarev, V. S. 2012. In Alekshin, V. A. et.al. (ed.). *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiiami (Cultures of Steppe Eurasia and Their Interactions with Ancient Civilizations)* 2. Saint Peterburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; “Periferiia” Publ., 13–24 (in Russian).
- Bochkarev, V. S., Kuznetsov, P. F. 2010. In Kuznetsov, P. F. (ed.). *Koni, kolesnitsy i kolesnichie stepey Evrazii (Horses, Chariots and Charioteers of Eurasian Steppes)*. Ekaterinburg-Samara-Donetsk: Ural Branch, Russian Academy of Sciences, 292–343 (in Russian).
- Bochkarev, V. S., Kuznetsov, P. F. 2013. In Cherlenok, E. A. *Problemy periodizatsii khronologii v arkheologii epokhi rannego metalla Vostochnoi Evropy (Issues of Periodization and Chronology in the Archaeology of the Early Metal Age of Eastern Europe)*. Saint Petersburg: “Skifiia print” Publ., 61–79 (in Russian).
- Bochkarev, V. S., Kuznetsov, P. F. 2014. In Kuznetsov, P. F. *Protsess kul'turogeneza nachal'noi pory pozdnego bronzovogo veka Volgo-Ural'skogo regiona (voprosy khronologii, periodizatsii, istoriografii) (The process of Cultural Genesis of the Initial Period of the Late Bronze Age in the Volga-Ural Region (Issues of Chronology, Periodization and Historiography))*. Samara: Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities, 131–142 (in Russian).
- Bochkarev, V. S., Kuzmina, E. E., Kuznetsov, P. F., Usachuk, A. N. 2010. In Kuznetsov, P. F. (ed.). *Koni, kolesnitsy i kolesnichie stepey Evrazii (Horses, Chariots and Charioteers of Eurasian Steppes)*. Ekaterinburg-Samara-Donetsk: Ural Branch, Russian Academy of Sciences, 344–345 (in Russian).
- Vasilenko, A. I. 2001. In *Visnik Shidnoukraïns'kogo nacional'nogo universitetu (Bulletin of the Volodymyr Dahl East Ukrainian National University)*. 38 (4), 62–79 (in Russian).
- Vasilenko, A. I. 2005. In Vasilenko, A. I. (ed.). *Problemy epokhi bronzy Velikoi Stepi (Issues of the Early Bronze Period of the Great Steppe)*. Lugansk: “Globus” Publ., 71–110 (in Russian).
- Vasilenko, A. I. 2008. In Vasilenko, A. I. (ed.). *Proishozhdenie i rasprostranenie kolesnichestva (The Origin and Spread of Chariots)*. Lugansk: “Globus” Publ., 130–165 (in Russian).
- Vasiliev, I. B. 1979. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1973 goda. (Archaeological Discoveries in 1973)*. Moscow: “Nauka” Publ., 135–137 (in Russian).
- Vasilev, I. B., Kuznetsov, P. F., Semenova, A. P. 1992. In Masson, V. M. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 1. Saint Petersburg, 52–63 (in Russian).
- Vasilev, I. B., Kuznetsov, P. F., Semenova, A. P. 1994. *Potapovskii kurgannyi mogil'nik indoiranskikh plemen na Volge (Potapovsky Subsoil Burial Mound of Indo-Iranian Tribes on the Volga)*. Samara: Samara State University (in Russian).
- Vasyutkin, S. M., Gorbinov, V. S., Pshenichnyuk, A. Kh. 1985. In Kosarev, M. F. (ed.). *Bronzovyi vek Iuzhnogo Priural'ia (Bronze Age of Southern Cis-Urals)*. Ufa: Bashkirian State Pedagogical Institute, 67–88 (in Russian).

Vinogradov, N. B. 2003. *Mogil'nik bronzovogo veka Krivoje Ozero v Yuzhnom Zaural'e (The Burial Ground of the Bronze Age the Krivoje Ozero in the Southern Trans-Ural Region)*. Chelyabinsk. (in Russian).

Volkov, V. A. 2004. In Kolesnik, O. V., Martinchuk, I. I. (eds.). *Arkheologiya ta etnologiya Skhidnoi Evropi: materiali i doslidzhennia (Archaeology and Ethnology of Eastern Europe: Materials and Studies)*. 4. Donetsk: Donetsk National University, 35–37 (in Ukrainian).

Voronin, G. V. 2016. In Chalykh, N. E. (ed.). *Arkeologicheskie issledovaniia v Centralnom Chernozem'e v 2015 (Archaeological Studies in the Central Black Earth Region 2015)* Lipetsk, 45 (in Russian).

Gamolin, A. A. 2001. In Tishkin, A. A. (ed.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoi Azii: Itogi i perspektivy izucheniia na rubezhe tysiacheletii (Historical and Cultural Heritage of Northern Asia: Study Results and Prospects at the Turn of Millennium)*. Barnaul: Altay State University, 223–225 (in Russian).

Gening, V. F., Zdanovich, G. B., Gening, V. V. 1992. *Sintashta. Arkheologicheskie pamiatniki ariiskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepei. Ch. 1. (Archaeological Sites of Aryan Tribes in the Urals/Kazakhstan Steppes. Part 1)*. Cheliabinsk: South Ural Book Publ. (in Russian).

Gershkovich, Ya. P. 2010. In *Arkheologiya (Archaeology)* 4. 120–125 (in Russian).

Gileeva, Yu. V. 2012. In Kovaleva, V. T. (ed.). *XLIV Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya studencheskaya konferentsiya (UPASK, 5-8 fevralya 2012 goda): materialy vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh (44th Ural-Volga Archaeological Student Conference (UPASK, February 5–8, 2012): Proceedings of the All-Russian (with International Participation) Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists)*. Ekaterinburg: Ural State University, 71–74 (in Russian).

Gileeva, Yu. V., Khudoborodova, V. V. 2011. In Morgunova, L. N. (ed.). *XLIII Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya studencheskaya konferentsiya (43rd Ural-Volga Archaeological Student Conference)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 73–75 (in Russian).

Golotvin, A. N., Pryakhin, A. D. 2016. In Usachuk, A. N. (ed.). *Lipeckii kurgan – pamiatnik elity dono-volzhskoj abashevskoi kul'tury (Lipetsk Barrow - Monument of the Elite of the Don-Volga Abashevo Culture)*. Lipetsk, Voronezh: “Novyi vzgliad” Publ., 5–17 (in Russian).

Grigor'ev, S. A. 2006. In Botalov, S. G. (ed.). *Arkheologiya Iuzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza) (Archaeology of the Southern Urals. Steppe (problems of cultural genesis)*. Series: *Etnogenez ural'skikh narodov (Ethnogenesis of the Ural peoples)*. Chelyabinsk: “Riphean” Publ., 188–224 (in Russian).

Denisov, I. V. 2000. *Drevneishaia istoriia Iuzhnogo Urala (Ancient History of the Southern Urals)*. Sterlitamak: Sterlitamak State Pedagogical Institute (in Russian).

Denisov, I. V. 2001. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 5. Orenburg: Orenburg State University, 38–48 (in Russian).

Dmitriev, E. A. 2017 *Istoriia i arkheologiya Semirech'ia. (History and Archeology of the Semirechie)* 5. Almaty, 24–31. (in Russian).

Dremov, I. I. 1991. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 203, 101–105 (in Russian).

Dremov, I. I. 1997. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. Okhrana i issledovaniia v 1996 godu (The Archaeological Heritage of the Saratov Region. Conservation and Research in 1996)* 2. Saratov: “Orion” Publ., 146–165 (in Russian).

Dremov, I. I. 2003. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. Okhrana i issledovaniia v 2001 godu (The Archaeological Heritage of the Saratov Region. Conservation and Research in 2001)* 5. Saratov: “Nauchnaia kniga” Publ., 72–93 (in Russian).

Epimakhov, A. V. 2004. In *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoriia (Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University: History Series.)* (2), 50–74 (in Russian).

Epimakhov, A. V. 1996. In Tairov, A. D. (ed.). *Materialy po arkheologii i etnografii Iuzhnogo Urala (Materials on the Archaeology and Ethnography of the Southern Urals)*. Chelyabinsk: “Kamennyi poia” Publ., 22–42 (in Russian).

Epimakhov, A. V. 2004. In Usachuk, A. N. (ed.). *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 15. 99–102 (in Russian).

Epimakhov, A. V. 2005. *Rannie kompleksnye obshchestva severa Tsentral'noi Evrazii (po materialam mogil'nika Kamennyi Ambar-5). (Early Complex Societies of the North of Central Eurasia (Based on Materials from Kamennyi Ambar-5 Burial Ground).)* 1. Chelyabinsk (in Russian).

Epimakhov, A. V. 2008. In *Izvestiya Chelyabinskogo nauchnogo tsentra (Proceedings of the Chelyabinsk Scientific Center)* 1 (39). 92–96 (in Russian).

Epimakhov, A. V., Berseneva, N. A. 2012. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 11 (3), 148–170 (in Russian).

Epimakhov, A. V., Chechushkov, I. V. 2008. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 21. 480–500 (in Russian).

Ermalaeva, A. S. 2016. In Baitanaev, B. A. *Materialy Mezhdun. nauchnoi konferentsii “Aktual'nye problemy arkheologii Evrazii”, posviashch. 25-letiiu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 25-letiiu Instituta arkheologii im. A. Kh. Margulana (Proceedings of International Research Conference “Urgent Matters of Eurasian Archaeology” dedicated to the 25th anniversary of independence of the Kazakhstan Republic and the 25th anniversary of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan)*. Almaty: Institute of Archaeology, 126–141 (in Russian).

Efimenko, P. P., Tret'yakov, P. N. 1961. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 97. Moscow: the USSR Academy of Sciences, 43–110 (in Russian).

- Zhauybai, S. U., Kukushkin, I. A., Kukushkin, A. I., Dmitriev, E. A., Shokhataev, O. S. 2018. In *Kazakhstan arkheologiiasy (Archaeology of Kazakhstan)*. 1–2, 224–234 (in Russian).
- Zdanovich, G. B. 1988. *Bronzovyi vek Uralo-Kazakhstanskikh stepei (osnovy periodizatsii) (The Bronze Age of the Ural / Kazakhstan Steppes (Periodization Framework))*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
- Zdanovich, G. B. 1997. *Sintashtinskoe obshchestvo: sotsial'nye osnovy «kvazigorodskoi» kul'tury Iuzhnogo Zaural'ia epokhi srednei bronzy. (Sintashta Society: Social Foundations of the “Quasi-Urban” Culture of the Southern Trans-Urals of the Middle Bronze Age.)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University (in Russian).
- Zeleneev, Yu. A., Yudin, A. I. 2010. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Saratovskogo Pravoberezh'ia: ot rannei bronzy do srednevekov'ia (po materialam issledovaniy v 2005–2006 gg.) (Archaeological Sites of the Saratov Right Bank: from the Early Bronze Age to the Middle Ages (Based on Study Materials of 2005–2006))*. Saratov: “Nauchnaya kniga” Publ., 134–155. (in Russian).
- Zudina, V. N. 1998. *Arkheologicheskie drevnosti Iuzhnogo Srednevolzh'ia (Archaeological Antiquities of the Southern Middle Volga Region)*. Samara: Samara State University (in Russian).
- Il'chishin, V. 2016. In Terpilovsky, R. V. (ed.). *Visnik riativnoi arkheologii (Bulletin of Resque Archaeology (Acta archaeologiae conservativae))*. 2. Lviv: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 77–90 (in Ukrainian).
- Il'iukov, L. S. 2013. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 230. 21–28 (in Russian).
- Il'iukov, L. S. 2014. In *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. 2 (2). 54–58 (in Russian).
- Il'iukov, L. S. 2016. In *Nauka Iuga Rossii (Science in the South of Russia)*. 12(2). 98–104 (in Russian).
- Ismagil, R., Morozov, Yu. A., Chaplygin, M. S. 2009. *Nikolaevskie kurgany («Elena») na reke Sterlya v Bashkortostane (Nikolaevsky Barrows (“Elena”) on the Sterlya River in Bashkortostan)*. Ufa (in Russian).
- Kazarnitskii, A. A. 2016. In Usachuk, A. N. (ed.). *Lipeckii kurgan – pamiatnik elity dono-volzhskoj abashevskoi kul'tury (Lipetsk Barrow - Monument of the Elite of the Don-Volga Abashevo Culture)*. Lipetsk, Voronezh: “Novyi vzgliad” Publ., 18–22. (in Russian).
- Kalieva, S. S., Losvin, V. N. 2008. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (9), 32–58 (in Russian).
- Kalieva, S. S., Logvin, V. N. 2012. In Bisembaev, A. A. (ed.). *“Kadyrbaevskie chteniia – 2012” (“Kadyrbaev Readings – 2012”)*. Aktobe: Aktobe Regional Historical and Local Lore Museum, 77–82 (in Russian).
- Kovtun, V. I. 2012. *Kon' i lyzhnik (Horse and Skier)*. Series: Trudy Muzeia arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia, Tomsk State University). 4. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).
- Kozhin, P. M. 2007. *Etnokul'turnye kontakty naseleniia Evrazii v eneolite – rannem zheleznom veke (paleokul'turologiia i kolesnyi transport) (Ethnocultural Contacts of the Population of Eurasia in the Eneolithic - Early Iron Age (Paleoculturology and Wheeled Transport))*. Vladivostok: “Dal'nauka” Publ. (in Russian).
- Kozhin, P. M. 2015. In *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altaiia (Scientific Review of Sayano-Altai)* 7. 2–18 (in Russian).
- Kuznetsov, P. F. (ed.). 2010. *Koni, kolesnitsy i kolesnichie stepey Evrazii (Horses, Chariots and Charioteers of Eurasian Steppes)*. Ekaterinburg-Samara-Donetsk: Ural Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Kostomarov, Yu. V. 2010. In Matveeva, N. P. (ed.). *Andronovskii mir (The World of Andronovo)*. Tiumen: Tiumen State University Publ., 69–83 (in Russian).
- Kocherzhenko, O. V. 1996. In Yudin, A. I. (ed.). *Okhrana i issledovanie pamiatnikov arkheologii Saratovskoi oblasti v 1995 godu (Protection and Study of Archaeological Monuments of Saratov Oblast in 1995)*. Saratov, 53–56 (in Russian).
- Kocherzhenko, O. V., Slonov, V. N. 2010. *Antichnyi mir i arkheologiia (Ancient World and Archaeology)* 14, 408–417 (in Russian).
- Kuznetsov, P. F. 2005. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 5, 179–185 (in Russian).
- Kuznetsov, P. F. 2016. In Alekshin, V. A. (ed.). *Vneshnie i vnutrennie svyazi stepnykh (skotovodcheskikh) kul'tur Vostochnoi Evropy v eneolite i bronzovom veke (V–II tys. do n. e.) (External and Internal Relations of the Steppe (Cattle-Breeding) Cultures of Eastern Europe in the Eneolithic and Bronze Age (5th–2nd Millennia BC))*. Saint Petersburg, 36–39 (in Russian).
- Kuznetsov, P. F. 2017. In *Voiazher: mir i chelovek (Voyager: World and Man)* 8, 39–54 (in Russian).
- Kuznetsov, P. F., Usachuk, A. N. 2019. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 2. 335–341 (in Russian).
- Kuznetsov, P. F., Chaplygin, M. S. 2019. In Polyakov, A. V., Tkach, E. S. (eds.) *Drevnosti Vostochnoi Evropy, Tsentral'noi Azii i Iuzhnoi Sibiri v kontekste svyazei i vzaimodeistvii v evraziiskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii) (Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and Southern Siberia in the Context of Relations and Interactions in the Eurasian Cultural Space (New Information and Concepts))*. 2. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, “Nevskaia Tipografiia” Publ., 225–229 (in Russian).
- Kuz'mina, O. V., Kuznetsov, P. F., Kramarev, A. I., Salugina, N. P., Khpkhlov, A. A., Roslyakova, N. V., Vasileva, D. I. 2012. In Turetskii, M. A. (ed.). *Bronzovyi vek. Epokha geroev (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov Samarskoi oblasti) (Bronze Age. The Time of Heroes (Based on Materials from the Burial Monuments of Samara Oblast))*. Samara: “SAO” Publ., 6–36 (in Russian).
- Kukushkin, I. A. 2003. In Bobrov, V. V. (ed.). *Social'no-demograficheskie protsessy na territorii Sibiri (drevnost' i srednevekov'e) (Socio-Demographic Processes in Siberia (Antiquity and the Middle Ages))*. Kemerovo: “Raduga” Publ., 52–56 (in Russian).

Kukushkin, I. A. 2007. In Loman, V. G. (ed.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie Sary-Arki (Historical and Cultural Heritage of Sary-Arka)*. Karaganda, 40–63 (in Russian).

Kukushkin, I. A. 2020. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan, seriia obshchestvennykh nauk (News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Series of Social and Human Sciences Series)* 1, 25–31 (in Russian).

Kukushkin, I. A. 2011. In Baitanaev, B. A. (ed.). *Mynzhlydyktar kualary: Kazakstan arkheologiiia gylymy 20 zhylda (1991–2011) (Witnesses of Millennia: Archaeological Science of Kazakhstan over 20 years (1991–2011))*. Almaty, 97–113 (in Russian).

Kukushkin, I. A. 2015. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Ezhelgi Torzai – uly dala tosindegi asyl alka (Ancient Turgai - Noble Necklace in the Very Heart of the Great Steppe)*. Almaty, 392–405 (in Russian).

Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A. 2018. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 41 (2), 28–40 (in Russian).

Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A. 2019. In *Arkheologiiia, etnografiia i antropologiiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 47 (4), 43–52 (in Russian).

Kukushkin, I. A., Kukushkin, A. I. 2015. . In Baitanaev, B. A. (ed.). *Kazak khandygy tarikh tolkynynda: Kazak khandygunyn kuryluynyn 550 zhyldygyna arnalgan gylymi makalalar zhinagy (Kazakh Khanate in the Stream of History: Collection of Scientific Articles Dedicated to the 550th Anniversary of Kazakh Khanate)*. Almaty, 670–681 (in Russian).

Kukushkin, I. A., Loman, V. G. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* I. Kazan: “Otechestvo” Publ., 584–587 (in Russian).

Kupriyanova, E. V. 2016. *Pogrebal'nye praktiki ehpoi bronzy Yuzhnogo Zaural'ya: mogil'nik Stepnoe-1 (raskopki 2008, 2010–2011, 2014 gg.) (Burial Practices of the Bronze Age of the Southern Trans-Urals: Stepnoe-1 Burial Ground (Excavations of 2008, 2010–2011, 2014))*. Chelyabinsk: “Entsiklopediia” Publ. (in Russian).

Kupriyanova, E. V. 2018. In Zdanovich, D.G. (ed.). *Stepnaia Evraziia v epokhu bronzy: kul'tury, idei, tekhnologii (Steppe Eurasia in the Bronze Age: Cultures, Ideas, Technologies)*. Chelyadinsk: Chelyadinsk State University, 184–197 (in Russian).

Kupriyanova, E. V., Zdanovich, D. G. 2015. *Drevnosti lesostepnogo Zaural'ia: mogil'nik Stepnoe VII (Antiquities of the Forest-Steppe Trans-Urals: Stepnoe VII Burial Ground)*. Chelyabinsk: “Entsiklopediia” Publ. (in Russian).

Kupriyanova, E. V., Stokolos, V. S., Petrov, N. F., Batanina, N. S. 2020. *Mogil'nik Stepnoe 25: kul'turnyi sinkretizm na granitse stepi (Stepnoe 25 Burial Ground: Cultural Syncretism on the Border of the Steppe)*. Chelyadinsk: Chelyadinsk State University (in Russian).

Kuptsova, L. V. 2016. *Srubnaia kul'tura Orenburgskogo Predural'ia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov). (Srubna Culture of the Orenburg Cis-Urals (Based on Materials from Burial Sites))*. 1. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Orenburg (in Russian).

Kurmankulov, Zh. K., Ermolaeva, A. S. 2011. In Baitanaev, B. A. (ed.). *Mynzhlydyktar kualary: Kazakstan arkheologiiia gylymy 20 zhylda (1991–2011) (Witnesses of Millennia: Archaeological Science of Kazakhstan over 20 years (1991–2011))*. Almaty, 69–84 (in Russian).

Lapshin, A. C. 2006. *Pamiatniki rannego i srednego etapov epokhi pozdnei bronzy Volgo-Don'skogo regiona (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov) (Monuments of the Early and Middle Stages of the Late Bronze Age in the Volga-Don region (Based on Materials from Burial Sites))*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Volgograd (in Russian).

Litvinenko, R. O. 2005. In *Arkheologiiia (Archaeology)* 4. 37–52 (in Russian).

Litvinenko, R. O., Lyashko, S. M. 2018. In Lytvyenko, R. O. (editor-in-chief). *Donetskii arkheologichnii zbirnik (Donetsk archeological compendium)*, 21, 155–174 (in Russian).

Logvin, A. V. 2019a. *Sintashtinsko-petrovskie drevnosti Turgaiskogo progiba (Sintashta-Petrovka Antiquities of the Turgai Trough)* 1. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kemerovo (in Russian).

Logvin, A. V. 2019b. *Sintashtinsko-petrovskie drevnosti Turgaiskogo progiba (Sintashta-Petrovka Antiquities of the Turgai Trough)* 2. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kemerovo (in Russian).

Logvin, A. V., Shevnina, I. V. 2008. In Tataurov, S. F., Tolepko, I. V. (ed.). *VII istoricheskie chteniia pamiati Mikhaila Petrovicha Gryaznova (7th Historical Readings in Memory of Mikhail Petrovich Gryaznov)*. Omsk: Omsk State University, 190–197 (in Russian).

Lopatin, V. A. 2005. In Danilov V. N. (ed.). *Povolzhskii kraj. Arkheologiiia, istoriia, istochnikovedenie Povolzh'ia (The Volga Region. Archaeology, History, Source Studies of the Volga Region)* 12. Saratov: Saratov State University, 22–33 (in Russian).

Lopatin, V. A. 2009. In Lopatin V. A. (ed.). *Arkheologiiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 7. Saratov: “Nauchnaia kniga” Publ., 44–97 (in Russian).

Lopatin, V. A. 2011. In *Izvestiia Saratovskogo universiteta (Proceedings of the Saratov University)* 11 (1). 100–104 (in Russian).

Lopatin, V. A. 2013. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 41 (3). 100–113 (in Russian).

Lopatin, V. A. 2019. In Polyakov, A. V., Tkach, E. S. (eds.). *Drevnosti Vostochnoi Evropy, Tsentral'noi Azii i Iuzhnoi Sibiri v kontekste sviazei i vzaimodeistvii v evraziiskom kul'turnom prostranstve (novee dannye i kontseptsii) (Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and Southern Siberia in the Context of Relations and Interactions in the Eurasian Cultural Space (New Information and Concepts))*. 2. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, “Nevskaia Tipografiia” Publ., 23–25 (in Russian).

Lysenko, S. D. 2008. In Vasilenko, A. I. (ed.). *Proishozhdenie i rasprostranenie kolesnichestva (The Origin and Spread of Chariots)*. Lugansk: “Globus” Publ., 166–182 (in Russian).

- Lyakhov, S. V. 2009. In Belinskii, A. B. (ed.-in-chief). *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza (Materials for the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus)*. 9. Stavropol: "Nasledie" Publ., 131–146 (in Russian).
- Malov, N. M. 2003a. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. Okhrana i issledovaniia v 2001 godu (The Archaeological Heritage of the Saratov Region. Conservation and Research in 2001)* 5. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 157–219 (in Russian).
- Malov, N. M. 2003b. In Bochkarev, V. S. et al (eds.). *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshhnost': istoki, razvitiie, nasledie (The Abashevo cultural and historical communion: Genesis, Development, Heritage)*. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 128–132 (in Russian).
- Malov, N. M. 2007. In Lopatin V.A. (ed.). *Arkheologiiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 5. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 34–92 (in Russian).
- Malov, N. M. 2012. In Lopatin V.A. (ed.). *Arkheologiiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 9. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute, 74–90 (in Russian).
- Masson, V. M. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 2. 265–285. (in Russian).
- Matveev, Yu. P., Volkov, E. N., Kostomarov, Yu. V. 2007. In Vokhmenetsev, M. P. (ed.). *Problemy arkheologii: Ural i Zapadnaia Sibir' (k 70-letiiu T.M. Potemkinoi (Issues of Archaeology: the Urals and Western Siberia (Dedicated to the 70th Anniversary of T.M. Potemkina))*. Kurgan: Kurgan State University, 108–113 (in Russian).
- Matveev, Yu. P. 2005. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 3, 5–15 (in Russian).
- Matveev, Yu. P., Safonov, I. E., Dobrynin, A.V. 2005. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Pastusheskie skotovody Vostochno-evropeiskoi stepi i lesostepi epokhi bronzy (istoriografiia, publikatsii) (Pastoralists of the East European Steppe and Forest-Steppe of the Bronze Age (Historiography, Publications))*. Series: Arkheologiiia Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone) 19. Voronezh: Voronezh State University, 139–147 (in Russian).
- Matveeva, N. P., Volkov, E. N., Ryabogina, N. E. 2003. *Novye pamiatniki bronzovogo i rannego zheleznogo vekov (New Monuments of the Bronze and Early Iron Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Matyukhin, A. D. 1998. In *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei (Antiquities of Volga-Don Steppes)* 6. Volgograd: Volgograd State University, 60–63 (in Russian).
- Medvedev, A. P. 2018. In Sarapulkin, V. A. (ed.). *Arkheologiiia Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Belgorod: Belgorod State University, 11–38 (in Russian).
- Medvedev, A. P., Matveev, Yu. P., Usachuk, A. N. 2016. *Arheologia evraziiskoi lesostepi-stepi (Archaeology of the Eurasian Forest-Steppe-Steppe)*. Voronezh: Voronezh State University, 43–55 (in Russian).
- Mel'nikov, E. N. 2003. In Bochkarev, V. S. et al (eds.). *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshhnost': istoki, razvitiie, nasledie (The Abashevo cultural and historical communion: Genesis, Development, Heritage)*. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 239–247 (in Russian).
- Mironov, O. V. 2014. *Otchet o rabote Tambovskoi arkheologicheskoi ekspeditsii po raskopkam parnykh kurganov u pos. Pudovkin v 2013 godu. (Report on the Operation of the Tambov Archaeological Expedition during the Excavation of Paired Barrows near Pudovkin Village in 2013.)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Found. R-1, dossier 40870 (in Russian).
- Mikhailova, O. V., Kuz'mina, O. V. 1999. In Stashenkov, D. A., (comp.). *Okhrana i izuchenie pamyatnikov istorii i kul'tury v Samarskoy oblasti (Protection and Study of Historical and Cultural Monuments in Samara Oblast)* 1. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 98–141 (in Russian).
- Moiseev, A. A. 2011. In Boguslavsky, O. I. et al. (eds.). *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russia Archaeological Congress)* I. Saint Petersburg, Moscow, Veliky Novgorod: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 248–249. (in Russian).
- Moiseev, A. A. 2003. In Bochkarev, V. S. et al (eds.). *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshhnost': istoki, razvitiie, nasledie (The Abashevo cultural and historical communion: Genesis, Development, Heritage)*. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 70–75 (in Russian).
- Moiseev, N. B. 1998. *Kurgany Oksko-Donskoi ravniny. Pamiatniki Tambovskoi oblasti (Barrow of the Oka-Don Plain. Monuments of Tambov Oblast)*. Tambov: "Komp'iuternyi tsernt" Publ. (in Russian).
- Moiseev, N. B., Efimov, K. Yu. 1995. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Drevnie indoiranskii kul'tury Volgo-Ural'ya (II tys. do n.e.) (Ancient Indo-Iranian Cultures of the Volga-Urals (2nd Millennium B.C.))*. Samara: Samara State Pedagogical University, 72–81 (in Russian).
- Myskov, E. P., Kiyashko, A. V., Litvinenko, R. A., Usachuk, A. N. 2004. In Usachuk, A. N. (ed.). *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 15. 128–138 (in Russian).
- Novikov, I. K. 2012. In Maslyuzhenko, D. N. (ed.). *Ural i Sibir' v kontekste razvitiia rossiiskoi gosudarstvennosti (Ural and Siberia in the Context of the Development of Russian Statehood)*. Kurgan: Kurgan State University, 47–49 (in Russian).
- Novozhenov, V.A. 2012. *Chudo kommunikatsii i drevneishii kolesnyi transport Evrazii (The Miracle of Communication and the oldest Wheeled Transport of Eurasia)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).
- Novozhenov, V. A. 2014. In Epimakhov, A. V. (ed.-in-chief). *Tainstvo etnicheskoi istorii drevneishikh nomadov stepnoi Evrazii (The Mystery of the Ethnic History of the Ancient Nomads of Steppe Eurasia)*. Almaty: "Ostrov Krym" Publ., 47–125 (in Russian).
- In Turetskii, M. A. (ed.). 2012. *Bronzovyi vek. Epokha geroev (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov Samarskoi oblasti) (Bronze Age. The Time of Heroes (Based on Materials from the Burial Monuments of Samara Oblast))*. Samara: "SAO" Publ., 4–5 (in Russian).

Otroshchenko, V. V. 2001. *Problemi periodizatsii kul'tur seredn'oi ta pizn'oi bronzi pivdnia Skhidnoi Evropi (kul'turno-stratigrafichni zistavlennia)*. (Issues of Periodization of the Cultures of the Middle and Late Bronze Age in the South of Eastern Europe (Cultural and Stratigraphic Comparisons)). Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).

Otroshchenko, V. V. 2002. *Istoriia plemen zrubnoi spil'nosti (History of the Tribes of the Sрубna Community)*. Thesis of Diss. of Doctor of of Historical Sciences. Kiev (in Ukrainian).

Otroshchenko, V. V. 2005. In Sanzharov, S. M. (editor-in-chief). *Materiali i doslidzhennia z arkeologii Skhidnoi Ukraini (Materials and Studies in the Archaeology of Eastern Ukraine)* 4. Lugansk: Volodymyr Dahl East Ukrainian National University, 235–242 (in Russian).

Otroshchenko, V. V. 2007. In Kupchinskii, O. (ed.). *Zapiski naukovoogo tovaristva imeni Shevchenka u Lvovi (Proceedings of the Research Society Named After Shevchenko in Lviv)* CCXXXV. Lviv, 206–214 (in Ukrainian).

Otroshchenko, V. V. 2009a. In Safonov, I. E. (ed.). *Arkeologiiia Vostochnoevropetskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Voronezh: Voronezh State University, 66–72 (in Russian).

Otroshchenko, V. V. 2009b. In Otroshchenko, V. V. (ed.). *Vzaemozv'iazki kul'tur epokh bronzi i rann'ogo zaliza na teritorii Tsentral'noi ta Skhidnoi Evropi (Relationships of the Bronze and Early Iron Age Cultures in Central and Eastern Europe)*. Kiev, Lviv, 17–20 (in Ukrainian).

Otroshchenko, V. V. 2013. In *Magisterium (Magisterium)*. 53. 18–21 (in Ukrainian).

Otroshchenko, V. V. 2017. In *Magisterium (Magisterium)*. 67. 43–53 (in Ukrainian).

Pleshakov, A. A., Martynyuk, O. I., Baev, A. V. 2005. *Mogil'nik epokhi bronzy Baganaty III. (Baganaty III Burial Ground of the Bronze Age)*. Petropavlovsk: Manash Kozybayev North Kazakhstan State University Publ. (in Russian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2010a. In *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 15 (3). 23–44 (in Russian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2010b. In Vasil'ev, D. V. (ed.). *Arkeologiiia Nizhnego Povolzh'ia: problemy, poiski, otkrytiia (Archaeology of Lower Volga Region: Issues, Research, Discoveries)*. Astrakhan: "Astrakhan-skii universitet" Publishing House, 107–116 (in Russian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2011a. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Voprosy arkeologii Kazakhstana (Issues of the Archaeology of Kazakhstan)* 3. Almaty, 279–297 (in Russian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2011b. In Bruiako, I. V. (ed.). *Materialy po arkeologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the History of the Northern Black Sea Region)* 12. Odessa: "SMIL" Publ., 86–124 (in Russian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2013. In *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 17 (5). 23–44 (in Russian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2014. In *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 19 (7). 85–117 (in Russian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2015a. In Tishkin, A. A. (ed.). *Arkeologiya Zapadnoy Sibiri i Altaia: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: Sb. statey, posvyashchennykh 70-letiyu professora Yu.F. Kiryushina (Archaeology of Western Siberia and the Altai Mountains: Interdisciplinary Research Experience: Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Professor Yu.F. Kiryushin)*. Barnaul: Altai State University Publ., 255–260 (in Russian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2015b. In Lytvynenko, R. O. (editor-in-chief). *Donetskii arkeologichnii zbirnik (Donetsk archeological compendium)*, 19, 58–84 (in Russian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2016a. In *Revista Arheologică*. 11 (1–2). 61–79 (in Russian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2016b. In *Ufmskii arkeologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (16), 28–71 (in Russian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2017. In *Arkeologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 89–107 (in Russian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2019. In Polyakov, A. V., Tkach, E. S. (eds.) *Drevnosti Vostochnoi Evropy, Tsentral'noi Azii i Iuzhnoi Sibiri v kontekste svyazei i vzaimodeistvii v evraziiskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii) (Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and Southern Siberia in the Context of Relations and Interactions in the Eurasian Cultural Space (New Information and Concepts))*. 2. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, "Nevskaia Tipografiia" Publ., 44–47 (in Russian).

Vasilenko, A. I. (ed.). 2008. *Proishozhdenie i rasprostranenie kolesnichestva (The Origin and Spread of Chariots)*. Lugansk: "Globus" Publ. (in Russian).

In Bochkarev, V. S. (ed.) 1995. *Konvergentsiia i divergentsiia v razvitii kul'tur epokhi eneolita-bronzy Srednei i Vostochnoi Evropy (Convergence and Divergence in the Development of Cultures of the Eneolithic-Bronze Age in Central and Eastern Europe)*. 2. Saint Petersburg, 73–95 (in Russian).

Pryakhin, A. D. 1972. In *Sovetskaia Arkeologiiia (Soviet Archaeology)* (3), 233–243 (in Russian).

Pryakhin, A. D. 1977. *Pogrebal'nye abashevskie pamyatniki (Abashevo Burial Monuments)*. Voronezh: Voronezh University Publ. (in Russian).

Pryakhin, A. D. 2000 In *Arkeologiiia, etnografiia i antropologiiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (1), 81–87 (in Russian).

Pryakhin, A. D. 2003. In Bochkarev, V. S. et al (eds.). *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshhnost': istoki, razvitie, nasledie (The Abashevo cultural and historical communion: Genesis, Development, Heritage)*. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 61–64 (in Russian).

Pryakhin, A. D. 2011. In Posokhov, S. I. (ed.). *Drevnosti 2011: Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik (Antiquities 2011: Kharkiv Historical & Archaeological Annual. 2011)* 10. Kharkiv: V.N. Karazin Kharkiv National University, 88–101 (in Russian).

- Pryakhin, A. D., Besedin, V. I., Levykh, G. A., Matveev, Yu. P. 1989. *Kondrashkinskii kurgan (Kondrashkinsky Barrow)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
- Pryakhin, A. D., Matveev, Yu. P. 1991. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 262–266 (in Russian).
- Pryakhin, A. D., Moiseev, N. B., Besedin, V. I. 1988. *Selezni-2. Kurgan dono-volzhskoj abashevskoi kul'tury (Selezni-2. Barrow of the Don-Volga Abashevo culture)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
- In Usachuk, A. N. (ed.) 2004. *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 15. Donetsk (in Russian).
- Rabadzhiiev, K. 2014. *Koniat, kolesnitsata i konnik. Km interpretatsiata na obraza v trakiiskata kultura (Horse, Chariot and Rider: Towards the Interpretation of an Image in Thracian Culture)*. Sofia: "Sv.Kliment Okhridski" Publ. (in Bulgarian).
- Rykushina, G. V. 2003. In Vinogradov, N. B. *Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Yuzhnom Zaural'e (Krivoye Ozero Bronze Age Burial Ground in the Southern Trans-Urals)*. Chelyabinsk: "ABRIS" Publ., 345–360 (in Russian).
- Samashev, Z. S., Ermolaeva, A. S., Loshakova, T. N. 2007. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* 1. 87–102 (in Russian).
- Sinit'syn, I. V. 1959. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 60, 39–205 (in Russian).
- Sinyuk, A. T., Berezutskii, V. D., Zatsepin, A. A. 2004. In Sinyuk, A. T. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki basseina Dona (Archaeological Sites of the Don Basin)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 162–177 (in Russian).
- Sinyuk, A. T., Kileinikov, V. V. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 159–169 (in Russian).
- Sinyuk, A. T., Kozmirchuk, I. A. 1995. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Drevnie indoiranskii kul'tury Volgo-Ural'ya (II tys. do n.e.) (Ancient Indo-Iranian Cultures of the Volga-Urals (2nd Millennium B.C.))*. Samara: Samara State Pedagogical University, 37–72 (in Russian).
- Sinyuk, A. T., Pogorelov, V. I. 1993. In Gorbunov, V. S. (ed.). *Pogrebal'nye pamiatniki epokhi bronzy lesostepnoi Evrazii (Burial Monuments of the Bronze Age in Forest-Steppe Eurasia)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical Institute, 62–63 (in Russian).
- Skorobogatov, A. M., Borutskaya, S. B., Kileinikov, V. V., Usachuk, A. N. 2016. *Arheologia evraziiskoi lesostepi (Archaeology of the Eurasian Forest-Steppe - Steppe)*. Voronezh: Voronezh State University, 56–73 (in Russian).
- Snitkovskaya, P. A., Usmanova, E. R. 2019. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)* 44 (1), 73–86. (in Russian).
- Solovev, A. I. 2010. In Matveeva, N. P. (ed.). *Andronovskii mir (The World of Andronovo)*. Tiumen: Tiumen State University Publ., 37–48 (in Russian).
- Sotnikova, S. V. 2014. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovani (Theory and Practice of Archaeological Research)* 9 (1). 74–86 (in Russian).
- Sotnikova, S. V. 2016. In Dubova, N. A. (ed.). *Trudy Margianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Margiana archaeological expedition)* 6. Moscow: "Staryi sad" Publ., 386–417 (in Russian).
- Tkachev, A. A. 1999. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (2), 22–29 (in Russian).
- Tkachev, A. A. 2002. *Tsentral'nyi Kazakhstan v epokhu bronzy (Central Kazakhstan in the Bronze Age)* II. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas Institute (in Russian).
- Tkachev, A. A. 2019. *Mogil'nik epokhi bronzy Maitan (Maitan Burial Ground of the Bronze Age)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Tkachev, V. V. 2004. In Usachuk, A. N. (ed.). *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 15. 7–30 (in Russian).
- Tkachev, V. V. 2005. In *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoriia (Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University: History Series.)* (3), 50–74 (in Russian).
- Tkachev, V. V. 2007. *Stepi Iuzhnogo Priural'ia i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh srednei i pozdnei bronzy (Steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan at the Boundary of the Middle and Late Bronze Ages)*. Aktobe: Aktobe Regional Center of History, Ethnography and Archaeology (in Russian).
- Usachuk, A. N. 2013. *Drevneyshie psalii (izgotovlenie i ispol'zovanie) (The most ancient psalms (production and use))*. Kiev, Donetsk: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
- Usachuk, A. N. 2015. In Kalysh, A. B. (ed.) *Kazakhstan arkheologiiasy men etnologiiasy: otkeni, biugini zhene bolashary atty «VII Orazbaev okulary» halykaralyk rylymi-tazhiribelik konferentsiia materialdary (Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "7th Orazbayev Readings" "Archaeology and Ethnology of Kazakhstan: Past, Present and Future.")*. Almaty, 134–138 (in Russian).
- Usachuk, A. N. 2016. In Usachuk, A. N. (ed.). *Lipeckii kurgan – pamiatnik elity dono-volzhskoj abashevskoi kul'tury (Lipetsk Barrow - Monument of the Elite of the Don-Volga Abashevo Culture)*. Lipetsk, Voronezh: "Novyi vzgliad" Publ., 23–34 (in Russian).
- Usachuk, A. N., Kuznetsov, P. F. 2019. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 14. Orenburg: Orenburg State University, 123–134 (in Russian).
- Usachuk, A. N. 2011. *Istoriia i arkheologiya Semirech'ia. (History and Archeology of the Semirechie)* 4. Almaty: Public fund "Rodnichok", 119–126. (in Russian).
- Usachuk, A. N., Lyakhov, S. V. 2006. In Dobrov, P. V. (editor-in-chief). *Donetskii arkheologicheskii zbornik (Donetsk archeological compendium)*, 12, 103–110 (in Russian).
- Usachuk, A. N., Chaplygin, M. S. 2008. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (8), 59–68 (in Russian).

Usachuk, A. N., Chaplygin, M. S. 2009. In Safonov, I. E. (ed.). *Arkheologiya Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Voronezh: Voronezh State University, 73–89 (in Russian).

Usmanova, A. N., Gumirova, O. N., Chechushkov, I. V. 2019 *Istoriia i arkheologiya Semirech'ia. (History and Archeology of the Semirechie)* 6. Almaty, 75–84. (in Russian).

Usmanova, A. N., Chechushkov, I. V., Kosintsev, P. A., Suslov, A.S., Lachkova, M. K. 2018. In Zdanovich, D.G. (ed.). *Stepnaia Evraziia v epokhu bronzy: kul'tury, idei, tekhnologii (Steppe Eurasia in the Bronze Age: Cultures, Ideas, Technologies)*. Chelyadinsk: Chelyadinsk State University, 198–215 (in Russian).

Frankfor, A. P. 2014. In Frankfor, A. P. (ed.). *Arkheologiya i istoriia Tsentral'noi Azii v trudakh frantsuzskikh uchenykh (Archaeology and History of Central Asia in the Works of French Scientists)*. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies Publ., 85–161 (in Russian).

Frikke, P. A. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 124–134. (in Russian).

Khavanskii, A. I. 2019. In Polyakov, A. V., Tkach, E. S. (eds.) *Drevnosti Vostochnoi Evropy, Tsentral'noi Azii i Iuzhnoi Sibiri v kontekste svyazi i vzaimodeistvii v evraziiskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii (Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and Southern Siberia in the Context of Relations and Interactions in the Eurasian Cultural Space (New Information and Concepts)*. 2. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, “Nevskaia Tipografiia” Publ., 233–234 (in Russian).

Khalyapin, M. B., Porokhova, O. I. 2000. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 4. Orenburg: “Orenburgskaia guberniia” Publ., 109–126 (in Russian).

Khudyakov, Yu. S., Beliskaya, K. Y. 2010. In Matveeva, N. P. (ed.). *Andronovskii mir (The World of Andronovo)*. Tiumen: Tiumen State University Publ., 49–54 (in Russian).

Tsimidanov, V. V. 2005. In Guliaev, V. I. (ed.). *Drevnosti Evrazii: ot rannei bronzy do rannego srednevekov'ia. Pamiati Valerii Sergeevicha Ol'khovskogo (Antiquities of Eurasia: from Early Bronze to Early Middle Ages. In Memory of Valerii Sergeevich Ol'khovskii)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 82–92 (in Russian).

Tsimidanov, V. V. 2009. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 9. Saratov: “Poligrafiia Povolzh'ia” Publ., 52–73 (in Russian).

Cheremisin, D. V. 2006. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 27 (3), 8–100 (in Russian).

Cherlenok, E. A. 2004. In Tikhonov, I. L. (ed.). *Al'manakh molodykh arkheologov (Almanac of Young Archaeologists)*. Saint Petersburg: “Dmitry Bulanin” Publ., 54–59 (in Russian).

Chechushkov, I. V. 2011. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 15 (2), 57–65 (in Russian).

Chechushkov, I. V. 2013. *Kolesnichnyi kompleks epokhi pozdnei bronzy stepnoi i lesostepnoi Evrazii (ot Dnepra do Irtysa) (Chariot Complex of the Late Bronze Age in Steppe and Forest-Steppe Eurasia (from the Dnieper River to the Irtys River))* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Chechushkov, I. V., Epimakhov, A. V. 2010. In Kuznetsov, P. F. (ed.). *Koni, kolesnitsy i kolesnichie stepey Evrazii (Horses, Chariots and Charioteers of Eurasian Steppes)*. Ekaterinburg-Samara-Donetsk: Ural Branch, Russian Academy of Sciences, 182–229 (in Russian).

Chechushkov, I. V., Ovsyannikov, A. A., Usmanova, E. R. 2020 In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 48 (2), 44–53 (in Russian).

Shirokova, M. A. 2013. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 12 (7), 142–149 (in Russian).

Yudin, A. I. 2007. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 8. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 142–149 (in Russian).

Yudin, A. I., Matiukhin, A. D. 2005. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 6. Saratov: “Nauchnaia kniga” Publ., 36–50 (in Russian).

Yudin, A. I., Matiukhin, A. D. 2006. *Rannesrubnye kurgannye mogil'niki Zolotaia Gora i Kochetnoe (Zolotaya Gora and Kochetnoe Early Subsoil Burial Grounds)*. Saratov: “Nauchnaia kniga” Publ. (in Russian).

Anthony, D. W. 2007. *The horse, the wheel, and language: How Bronze Age riders from the Eurasian Steppes shaped the modern world*. Princeton: Princeton University Press. (in English).

Chechushkov, I. V., Epimakhov, A. V., Bersenev, A. G. 2018. In *Journal of Archaeological Science*. 97, 125–136 (in English).

About the Authors:

Podobed Vyacheslav A., senior research scientist, Donetsk Museum of Regional Studies. Chelyuskintsev 189-a, Donetsk, 283048, Ukraine; archaeodon@front.ru

Usachuk Anatoliy N. Candidate of Historical Sciences, Senior Research Associate of Donetsk Regional Museum of Local Lore Chelyuskintsev 189-a, Donetsk, 283048, Ukraine; doold@mail.ru

Tsimidanov Vitaliy V. (1960-2019) Candidate of Historical Sciences.

Таблица 1.

Синташтинская культура. Некерамический инвентарь погребений с псалиями

№	Комплексы	Инвентарь	Возраст, пол
1	Бестамак, п. 1 (Логвин, 2019а, с. 61; 2019б, с. 13-14)	Бронзовые нож и гвоздик, 2 каменных (кремневых) наконечника стрел, куски песчаника (60 экз.) и кварцита (54 экз.) – вероятно, в мешочке, лепешка из ила, на которой были уложены псалии	М 18-20 лет
2	Бестамак, п. 2 (Логвин, 2019б, с. 14-15)	Бронзовые нож, браслет (и 2 браслета на руках), фр-ты 2 или 3 иголок, шило, фр-т кольца, 4 обломка бронзовых предметов, фр-ты листовидной подвески, несколько бляшек на черепе, низка из костяных пронизок и пастовых бус, 3 клыка лисицы, кремневые скребок на отщепе и отщеп, 2 кремневых наконечника стрел, 2 массивных отщепа с пестов, каменный цилиндр, кучка сплесков и капелек меди, 8 кусочков медистого песчаника, красный и 5 желтых мелких камешков, кусок окаменевшей смолы, 2 мелкозернистых абразива, астрагал «овцы», лепешка глины (крышка сосуда?), большой абразив, на котором уложены маленькие желтые камешки (150 экз.), под большим абразивом уложены: кусок медистого песчаника, створка речной раковины, 3 резца бобра, астрагал «овцы (жженный)»	Ж 40-50 лет
3	Бестамак, п. 7 (Калиева, Логвин, 2008, с. 43-46; Логвин, 2019а, с. 61; 2019б, с. 17-18)	Бронзовые топор-тесло с остатками деревянной рукоятки, нож, шило с остатками деревянной рукоятки, глиняная литейная форма, костяная поделка (пряслище?), деревянное изделие с бронзовым гвоздем, 2 бронзовые скобочки, камень с зашлифованными плоскостями, кусок медистого песчаника	М 35-40 лет*
4	Бестамак, п. 20, южный комплекс, захоронение под лошадьми (Калиева, Логвин, 2012, с. 77-78; Логвин, 2019а, с. 60; 2019б, с. 24-25)	19 кремневых наконечников стрел, бронзовые тесло, 3 ножа, орудие из обломка ножа, проколка, скобы, 2 керамических сопла, каменные диск, «наковальня», пест(?) из гальки, плитка, фр-т песта-абразива (погребение «потревожено»)	Ребенок 3-5 лет
5	Бестамак, п. 55 (Логвин, 2019б, с. 40-41)	11 кремневых наконечников стрел, бронзовые топор-тесло, 2 ножа, проколка, скрепки (от сосуда?), фр-т иглы, пест, зашлифованный камень, абразив, 10 кусков песчаника (из них 3 – абразивы), кость, каменный нож, 2 кремневых ножевидных пластины, поперечный скол с нуклеуса, кусочек песчаника, кости животных (среди которых и обнаружены фр-ты псалия)	М 20-25 лет
6	Большекараганский, 24/1 (Боталов и др., 1996, с. 79-80)	5 кремневых наконечников стрел, 2 костяные проколки, бронзовая оковка от деревянного сосуда. В стенке – ниша с бронзовыми предметами (наконечник копья, 2 тесла, стамеска, шило, гарпун, 2 ножа) (погребение нарушено)	?**
7	Большекараганский, 24/2 (Боталов и др., 1996, с. 80-81)	2 кремневых наконечника стрел, бронзовые тесло, оковка от деревянного предмета, изделие неясного назначения, терочник (погребение нарушено)	?
8	Каменный Амбар-5, 2/5, костяк в 2,5 м от юго-восточной стенки ямы (Епимахов, 2005, с. 26; илл. 18)	Бронзовый наконечник копья, 2 каменные плитки («терочники»), бронзовое колечко (погребение было «ограблено»)	Не младше 10 и не старше 22 лет
9	Каменный Амбар-5, 2/5, костяк в 1,9 м от юго-восточной стенки ямы (Епимахов, 2005, илл. 18)	? (погребение было «ограблено»)	Не младше 10 и не старше 22 лет
10	Каменный Амбар-5, 2/6 (Епимахов, 2005, с. 31)	5 кремневых и 1 каменный наконечники стрел, бронзовые тесло, нож и пластина, костяное пряслище, роговая втулка, пест и каменная плитка («терочник»), 2 створки раковин, 12 подвесок из клыков корсака, 2 фаланги кабана, костяная пронизь (в «ограбленном» погребении выявлены останки 8 умерших от новорожденного до мужчины 30-35 лет, но кого из них маркировал псалий, и какие из перечисленных артефактов сопутствовали этому покойнику, установить невозможно)	?
11	Каменный Амбар-5, 2/8, погребенный I (Епимахов, 2005, с. 36; илл. 29)	Бронзовые нож, скоба и клинышек, костяные и каменная бусины. Возможно, каменная булава и бронзовая стамеска (не тяготели ни к одному из погребенных)	М 22-26 лет
12	Каменный Амбар-5, 2/8, погребенный II (Епимахов, 2005, с. 36; илл. 29)	Костяной клинышек, подвески из клыков животных, костяные бусины	Ребенок 8±2 года

13	Каменный Амбар-5, 2/8, погребенный III (Епимахов, 2005, с. 36; илл. 29)	Кремневый наконечник стрелы, галька	Ребенок 5±2 года
14	Кривое Озеро, 9/1 (Виноградов, 2003, с. 82-88; Рыкушина, 2003, с. 349-350)	2 наконечника стрел (из вулканита и кости), бронзовые тесло, нож, изделие из кремнистой яшмовидной породы со следами сколов, «забитости» и «заломов»	М 50 лет
15	Кривое Озеро, 9/2 (Виноградов, 2003, с. 88, 90-92 82-88; Рыкушина, 2003, с. 350)	? (погребение «ограблено»)	Ж 40-50 лет
16	Синташта (СМ), п. 5, костяк А (Генинг и др., 1992, с. 130-132)	20 кремневых наконечников стрел, бронзовые нож и шило, костяные диск с отверстием и стержневидное изделие, ф-т каменного изделия, 8 астрагалов барана, хвостовой позвонок и копыто лошади, 2 подвески из клыков кабана (погребение было потревожено, а потому точно установить набор инвентаря затруднительно)	Взрослый (далее В)
17	Синташта (СМ), п. 5, костяк Г (Генинг и др., 1992, с. 132)	Бронзовый нож, 39 астрагалов барана	В
18 19	Синташта (СМ), п. 11, костяки А и Б (Генинг и др., 1992, с. 155-158)	Бронзовые серп и шило (погребение, вероятно, было нарушено; вещи лежали «на костях человека»; связаны ли они с одним из умершим, с обоими или каждая – с отдельным погребенным, установить невозможно)	В В
20	Синташта (СМ), п. 12 (Генинг и др., 1992, с. 162-165, 167)	6 кремневых и 2 костяных наконечника стрел, бронзовый и костяной гарпуны, бронзовые «рыболовный крючок», пластинки, гвоздь и обломок «вещицы»	В
21	Синташта (СМ), п. 30 (Генинг и др., 1992, с. 207-209, 214)	Бронзовый наконечник копья, 11 кремневых и 2 костяных наконечника стрел, бронзовый нож, 2 крупных камня (основание давилки и пест?), костяные бляшка и втулка	В
22	Синташта (СМ), п. 39, костяк А (Генинг и др., 1992, с. 229-230)	Бронзовые тесло, нож, 2 «рыболовных крючка», 139 астрагалов барана	В
23	Синташта (СМ), п. 39, костяк Б (Генинг и др., 1992, с. 230-233)	Каменная булава, бронзовый топор, 12 кремневых наконечников стрел, бронзовые нож и гвоздики, каменные подвеска, пест и плитка, 46 астрагалов барана, 2 бронзовых перстня	В
24	Синташта (СМ), п. 14 (Генинг и др., 1992, с. 266-268)	5 кремневых наконечников стрел, каменное «навершие», бронзовые 4 ножа, 3 тесла, серп, 2 шила, 2 «рыболовных крючка», скобы и ф-ты других изделий, 2 песта, 3 каменные плитки, бронзовый перстень, пастовые бусы (погребение «ограблено»; число погребенных, их возраст и то, как распределялся между ними инвентарь, не известны)	?
25	Синташта (СМ), п. 1 (Генинг и др., 1992, с. 299-304)	2 каменных и 1 бронзовый наконечники стрел, бронзовые нож, шило и 2 скобы, пест (погребение «ограблено»)	?
26	Солнце II, 4/1 (Епимахов, 1996, с. 26-27)	Каменный и костяной наконечники стрел, костяная проколка, астрагалы мелкого рогатого скота, кусочки медной руды (погребение «ограблено»)	?
27	Солончанка IA, 2/1 (Епимахов, 2004б, с. 99-100)	Обломок гальки (погребение «тотально ограблено»)	В
28	Степное-1, 1/1 (Куприянова, 2016, с. 12-18), скелет 1	Низки бронзовых бус «обвязка обуви», скопление пастовых бус, вероятно наосник из «амулетов из клыков животных» (погребение частично «ограблено»)	Ж 17-25 лет
29	Степное-1, 1/1 (Куприянова, 2016, с. 12-18), скелет 2	2 каменных наконечника стрел, бронзовая проколка, бронзовое шило с остатками деревянной рукоятки, скопление астрагалов МРС (26 экз.), вероятно в емкости, хвостовые позвонки животного (погребение частично «ограблено»)	М 15-17 лет
30	Степное-1, 1/2 (Куприянова, 2016, с. 20-24), скелет 1	Каменное орудие (отбойник?), скопление астрагалов МРС, вероятно в емкости (мешке?) (погребение частично «ограблено»)	Ж(?) 15-17 лет
31	Степное-1, 1/2 (Куприянова, 2016, с. 20-24), скелет 2	Возможно, к этому костяку относится колчан со стрелами: 11 каменных и 3 костяных наконечника, 3 каменных наконечника, бронзовое «стрекало»(?) (погребение частично «ограблено»)	Ребенок 1,5-2 года
32	Тавлыкаево IV, 2/3 (Васюткин и др., 1985, с. 82)	2 костяные «лопаточки», бронзовая пластинка	Кенотаф?

33	Танаберген II, 7/22 (Ткачев, 2004, с. 8-10)	Мраморная булава, бронзовый наконечник копья с гвоздиком, шилом и ножичком внутри втулки, 13 кремневых, 3 костяных и 1 бронзовый наконечники стрел, бронзовое тесло, плоский каменный топор, бронзовые нож (в деревянном футляре) и ф-ты гвоздиков, раковина grifea, 3 камешка	М 45-60 лет
34	Танаберген II, 7/23, юго-восточный костяк (Ткачев, 2004, с. 10-11, 13)	Бронзовые нож, «стрекала» в костяной муфте, оселок, бронзовая пластина в берестяном футляре, «суставные кости крупного животного», 2 камешка, галька, камень с отверстием, куски шлака и мела, разноцветные камешки (руда?), бронзовые браслеты (покрытые золотой фольгой) и височные подвески, бляшки из бронзы и фаянса, бусы из бронзы, кости и фаянса	Ж 17-25 лет
35	Танаберген II, 7/33, юго-восточный костяк (Ткачев, 2004, с. 13)	Кремневый наконечник стрелы, бронзовые тесло, нож, «ступка-наковаленка» (молот?), пест	М 45-50 лет
36	Токанай I, п. 5 (Логвин, 2019а, с. 60; 2019б, с. 55)	Бронзовые нож, шлифованный камень (погребение разрушено местными жителями)	В(?)

Примечания

* Есть и иные данные: 40-50 лет (Логвин, 2019б, с. 17).

** Сведений о присутствии в могиле человеческих костей у нас нет.

Таблица 2.

Петровская культура. Некерамический инвентарь погребений с псалиями

№	Комплексы	Инвентарь	Возраст, пол
1	Аксаyman, 2/1 (Зданович, 1988, с. 78)	2 кремневых наконечника стрел, бронзовое шило (погребение было нарушено не менее двух раз)	Костей человека нет
2	Баганаты III, к. 14, костяк у восточной стенки ямы* (Плешаков и др., 2005, с. 17)	Бронзовая булава, 2 каменных наконечника стрел, бронзовые нож, бляшки, ф-ты браслета, кольца и других украшений, бусы из бронзы и кости	В
3	Берлик II, 10/1 (Зданович, 1988, с. 76, 78)	5 каменных наконечников стрел, бронзовое шило (погребение, вероятно, было нарушено)	В
4	Восточно-Курайли-I, 11/4, скелет 1 (Ткачев, 2004, с. 17, 20-21)	9 кремневых наконечников стрел, бронзовые тесло, долото, скобы, костяная втулка	М 30-40 лет
5	Восточно-Курайли-I, 11/4, скелет 2 (Ткачев, 2004, с. 17, 20-21)	11 кремневых и 1 костяной наконечники стрел, бронзовые тесло, нож и 2 «стрекала»**, 2 костяных втулки, бронзовая бусина	М 30-40 лет
6	Жаман-Каргала I, 14/2 (Ткачев, 2004, с. 13, 17)	Костяные проколки, бронзовые игла, скобы и бляшка, пест, клыки кабана (погребение было нарушено)	В
7	Кривое Озеро, 1/1 (Виноградов, 2003, с. 33-39)	Кремневый наконечник стрелы, бронзовый нож, деревянная миска, 4 подвески из зубов Canis (одна лежала возле деревянной миски; вблизи последней находились и псалии), 33 астрагала МРС и 3(?) – другого животного, обломок кристалла горного хрусталя со следами сколов (погребение «ограблено»; в могиле выявлены кости ребенка и двух подростков, но как распределялся между ними инвентарь, установить невозможно)	?
8	Кривое Озеро, 1/2 (Виноградов, 2003, с. 39-49)	2 наконечника стрел (из кремневого сланца и кости), роговой распределитель ремней конской узды, бронзовое тесло, 4 астрагала КРС, 61 астрагал МРС и «лощило» из яшмовой гальки (погребение «ограблено»; в могиле выявлены кости взрослого, подростка и ребенка, но как распределялся между ними инвентарь, установить невозможно)	?
9	Кривое Озеро, 1/3 (Виноградов, 2003, с. 49-55; Рыкушина, 2003, с. 345, 349)	Бронзовые нож и шило, каменный диск (погребение «ограблено»)	М 35-40 лет
10	Кривое Озеро, 2/1 (Виноградов, 2003, с. 65-70)	Бронзовый наконечник копья (погребение «ограблено»)	М 50-55 лет

11	Новоильиновский II, 5/ ритуальный объект 1а и п.1 (Урманова и др., 2018; Снитковская, Урманова, 2019, с. 76-77; Чечушков и др., 2020, с. 45-47)	Бронзовый наконечник копья, бронзовая обойма, костяной наконечник стрелы, каменная бусина, возможно тупик из тазовой кости КРС(?), скопление бусин и мелких фрагментов от наконечных украшений*** (погребение сильно разрушено, скорее всего ритуально «ограблено»)	М**** (два костяка) Ж (два костя- ка)
12	Обилькин Луг-III, 14/1 (Денисов, 2001, с. 41)	Бронзовые нож, 2 шила, игла (лежали в деревянной шкатулке(?), обернутой кожей), более 100 пастовых бусин (на стопах), вероятно, бронзовые украшения (кости умершего сплошь покрыты окислами бронзы) (погребение разрушено в древности)	В
13	Степное-1, 8/1 (Куприянова, 2016, с. 73-78)	Бронзовая бусина, бронзовая оплетка с остатками деревянного предмета, бронзовый стержень, 4 каменных наконечника стрел, каменное орудие, каменный пест, каменное орудие на отщепе (погребение «ограблено»)	М 20-25 лет
14	Степное VII, комплекс 2/5 (Куприянова, Зданович, 2015, с. 14-17)	Каменный наконечник стрелы, бронзовое стрекало в деревянной рукоятке, 2 подвески из резцов собаки в сосуде (погребение сильно ограблено)	М 30-40 лет
15	Степное VII, комплекс 4/18 (Куприянова, Зданович, 2015, с. 45-50)	Много изделий из бронзы: 4 бляшки, 2 браслета, 2 височных колец, 55 бус, кольцо, обойма, каменное орудие (отбойник?), «некрупный кусочек гранита», 9 каменных наконечника стрел, костяное кольцо (фр-т), 24 астрагала МРС, 5 или 6 амулетов из клыков и резцов волка или собаки***** (погребение ограблено в древности неоднократно; выявлены кости мужчины 18-22 лет, женщины 15-17 лет и двух детей – 9-10 и 10-12 лет, но как распределялся между ними инвентарь, установить невозможно)	?

Примечания

* Погребение являлось коллективным. Связь псалия именно с этим костяком весьма вероятна, но не бесспорна.

** На наш взгляд, это – обычные шилья.

*** Скопление бусин и наконечных украшений дали основание считать два костяка в разрушенном погребении 1 женскими (Урманова и др., 2018, с. 203).

**** Половозрастные определения отчасти гипотетичны, что связано со значительным разрушением всех костяков.

***** В тексте говорится о шести амулетах из клыков волка (Куприянова, Зданович, 2015, с. 47), а чуть ниже при описании инвентаря эти же амулеты идут в количестве 5 экз. из клыков и резцов собаки (Куприянова, Зданович, 2015, с. 50).

Таблица 3.

Потаповская культура. Некерамический инвентарь погребений с псалиями

№	Комплексы	Инвентарь	Возраст, пол
1	Потаповка, 3/4, вторичное захоронение (Васильев и др., 1994, с. 22-26)	Комплекс 1: кремневый наконечник стрелы, бронзовые нож, шило, крючок (вероятно, вещи были в чехле); комплекс 2: 2 кремневых наконечника стрел, фр-т ножевидной пластины с ретушью, полированное каменное изделие, костяная пластинка, лежавшие в ряд. Кремневый наконечник стрелы, роговой гарпун, изделия из ребра животного и зуба бобра, бронзовая подвеска (фр-т)	В
2 3	Потаповка, 5/8 (Васильев и др., 1994, с. 32-35; Яблонский, Хохлов, 1994, табл. 1; Черленок, 2004, с. 55)	Вещи, не тяготившие к конкретному костяку*: 10 кремневых наконечников стрел, изделие из рога дикого животного.	М до 30-35 лет (костяк 1) 7-8 лет (костяк 2)
4	Утевка VI, 2/3 (Васильев, 1974)	Бронзовый «рыболовный» крючок (погребение сильно разрушено)	В
5	Утевка VI, 6/4 (Васильев и др., 1992, рис. 4; Черленок, 2004, с. 55)	Костяная «лопаточка», бронзовый наконечник копья, 6 кремневых наконечников стрел, бронзовые тесло, нож, скобы	?
6	Утевка VI, 6/5 (Васильев и др., 1992, рис. 1; рис. 5**; Черленок, 2004, с. 55)	8 кремневых наконечников стрел, бронзовые шилья (2), браслеты (2), золотая височная подвеска, капля меди (погребение являлось парным. Из публикации не ясно, как распределялся между умершими инвентарь)	В
7	Утевка VI, 6/6 (Васильев и др., 1992, рис. 6, 1-13; Черленок, 2004, с. 55)	5 кремневых наконечников стрел, глиняные сопла, бронзовые тесло, долото, серп, нож, шило, костяное пряслице	В

Примечания

* Такой же была локализация псалиев.

** В подписи к рис. 5 ошибочно указано, что вещи происходят из захоронения 6 (ср. Усачук, 2013, с. 51, сноска 55).

Таблица 4.

Покровская культура. Некерамический инвентарь погребений с псалиями, находившимися на дне могильных ям

№	Комплексы	Инвентарь	Возраст, пол
1	Баранниково, 1/2 (Мыськов и др., 2004, с. 128, 132, 134)	Каменная булава, бронзовый нож, клык волка	М 45-50 лет
2	Березовка, 3/2 (Дремов, 1997, с. 147-149)	Резные костяные втулки (детали жезла?), бронзовые нож, шило, накладка от чаши, орнаментированные костяные пластинки, галька	М
3	Бородаевка II (Калмыцкая Гора), 1/21 (Лопатин, 2009, с. 54-55)	1 кремневый наконечник стрелы, каменные «наковальня» и пест, бронзовые нож и «стрекала»*, костяная «шпилька» (погребение сильно нарушено норами животных)	М
4	Веселый, 1/1 (Усачук, Чаплыгин, 2008, с. 60; 2009, с. 73-74)	? (погребение нарушено кладоискателями)	В
5	Дубовый Гай, 1/4 (Зеленева, Юдин, 2010, с. 138-142)	8 кремневых и 1 костяной наконечники стрел, бронзовые ножи (2), «бритва», «стрекала»**, деревянное изделие с бронзовой обоймой, берестяной туесок, бронзовый сплеск, стеклянные бусы	М 25-35 лет
6	Золотая Гора, 1/1 (Юдин, Матюхин, 2006, с. 21-23)	Бронзовый нож	В
7	Золотая Гора, 4/1 (Матюхин, 1998)	Бронзовый нож, костяные резные пластинка, диск, эллипс, втулка, ф-т костяного кольца	В
8	Идолга, к. 3 (Малов, 2003а, с. 186; Лопатин, 2011, с. 103)	3 кремневых наконечника стрел, бронзовый нож (или кинжал)	В
9	Краснополье, 2/4 (Синицын, 1959, с. 157)	Бронзовый нож	М
10	Красноселка, одиночный курган, п. 1 (Халяпин, Порохова, 2000, с. 109)	Бронзовый наконечник копья (погребение разрушено)	В
11	Ново-Яблонька, одиночный курган, п. 1 (Африканов, 2010а, с. 124-125)	2 кремневых и 1 костяной наконечники стрел, бронзовый нож, костяная резная втулка (ф-т жезла?), изделие из бересты с бронзовой накладкой и скобами, астрагал МРС	Кенотаф
12	Старицкое, 1/2 (Дремов, 1991)	Бронзовый нож, глиняное колесико (пряслище?), костяная втулка	М 30 лет
13	Сторожевка, 1/1 (Кочерженко, 1996, с. 53)	Костяные острия (4) и пластинка, бронзовые подвеска и заостренное изделие	В
14	Сторожевка, 2/2 (Ляхов, 2009, с. 145-146)	Бронзовые шило и скоба (разрушено в древности)	В
15	Суворовский, 2/1 (Африканов, 2010б, с. 10-11)	Костяная «пронизь» (погребение разрушено)	В
16	Тарумовка-1, 2/1 (Малов, 2012, с. 75-79)	Бронзовое шило, ф-ты 2-х костяных изделий, в т.ч. пронизи, фаянсовая бусина (погребение сильно нарушено норами)	М?
17	Уваровский II, 11/2 (Михайлова, Кузьмина, 1999, с. 104-107)	Ф-т бронзового изделия (погребение сильно нарушено норами животных и, вероятно, вскрывалось в древности; выявлены кости 2-х человек, но с кем из умерших были связаны псалии и бронзовое изделие, установить невозможно)	М 20-25 лет Ж молодая
18	Урень I, 6/1 (Багаутдинов, 1992; Зудина, 1998, с. 38, 39; Кузнецов, Усачук, 2019)	Кремневый наконечник стрелы, бронзовый нож в деревянных ножнах, ф-т костяного изделия (ребро животного) (погребение ограблено)	Кремация

Примечания

* На наш взгляд, это – обычные шилья.

** На наш взгляд, это – «жальце».

Таблица 5.

Доно-волжская абашевская культура. (абашево/ранний покровск). Некерамический инвентарь погребений с псалиями

№	Комплексы	Инвентарь	Возраст, пол
1	Богоявленское, 1/3 (Пряхин, Матвеев, 1991, с. 263-265)	Костяная пряжка (погребение сильно разрушено норами животных)	В
2	Большая Плавица, 1/2 (Мельников, 2003, с. 239-241)	Костяная пряжка	Кенотаф
3	Введенка, 1/2, северный костьяк (Синюк, Килейников, 1976, с. 163-165)	2 бронзовых ножа, костяная пряжка	М
4	Власовка, 16/4 (Синюк, Погорелов, 1993, с. 14-19)	Каменная булава, костяная «лопаточка», 8 кремневых наконечников стрел, бронзовый нож, костяные пряжка и 2 лопаточковидных изделия, астрагалы	М 40-45 лет
5	Второй Липецкий курган, п. 2 (Голотвин, Пряхин, 2016, с. 13-16; Казарницкий, 2016, с. 19)	3 кремневых наконечника стрел, бронзовый нож, костяные «лопаточка» (ф-т), «застежки» (1 целая и ф-ты еще 2-х), пряжка (ф-т), 2 астрагала кабана и 17 – косули, клык животного (погребение разрушено грабителями и землеройными животными; в могиле находились кости 4-х человек; установить, с кем из умерших связаны конкретные предметы, невозможно)	М 25-35 лет М 25-35 лет М 30-40 лет Ж(?) 25-30 лет
6	Елка 1, 2/1 (Медведев и др., 2016, с. 45-48; Медведев, 2018, с. 16)	Бронзовый нож, костяная втулка (погребение «ограблено» в древности)	М 45-55 лет
7	Кондрашевка, 1/1 (Ефименко, Третьяков, 1961, с. 88; Пряхин, 1977, с. 21)	Бронзовое шило, костяная «застежка», клыки кабана, 3 овечьих астрагала	?
8	Кондрашкинский курган, п. 1 (Пряхин и др., 1989, с. 4-6)	Бронзовые наконечник копья и топор, 25 кремневых наконечников стрел, бронзовые тесло и нож, деревянная «лопаточка», обложенная бронзовой пластинкой, костяные фигурные пластинки и пряжка (погребение разрушено норами животных)	М
9	Красный 1, 1/2 (Матвеев и др., 2005, с. 142-143)	1 кремневый наконечник стрелы, костяная пряжка (погребение было «ограблено»)	В
10	Отрадное, одиночный курган 2, п. 1 (Воронин, 2016, с. 45)	Бронзовое шило (погребение сильно разрушено норами животных)	М 25-35 лет
11	Пичаево, одиночный курган, п. 1 (Моисеев, Ефимов, 1995, с. 72-81; Моисеев, 1998, с. 27, 30-31)	Костяная «лопаточка»	В
12	Плясоватка, 1/1 (Синюк и др., 2004, с. 163, 165-167)	12 кремневых наконечников стрел, бронзовые нож и скоба, костяное изделие (погребение нарушено норами животных)	В
13	Пудовкин, 4/1 (Миронов, 2014)	Бронзовая пластина (погребение сильно нарушено норами животных или ограблено)	М ок. 60 лет
14	Рождествено 1, 4/1 (Скоробогатов и др., 2016, с. 58-70)	Каменный топор-молоток, костяное землекопное орудие, 2 бронзовых ножа	М ок. 30 лет
15	Селезни-1, 1/2 (Моисеев, 1998, с. 15, 18, 20)	Меловая булава (ф-т), 7 кремневых наконечников стрел, бронзовые нож и скоба	Кенотаф
16	Селезни-2, 1/1 (Пряхин и др., 1998, с. 4-11; Пряхин, 2000, с. 80-81)	Булава из мраморизированного известняка, 14 кремневых наконечников стрел, 2 «кузнечных молота» (один служил для растирания охры), бронзовые нож и 5 «жалец», деревянное блюдо, 25 астрагалов животного, подвеска из клыка медведя	Кенотаф

17	Селезни-2, 1/2 (Пряхин и др., 1998, с. 11-14; Пряхин, 2000, с. 81-82)	4 кремневых наконечника стрел, бронзовые нож, 2 бронзовых «жалец», 2 кремневых орудия, бронзовые скобы, «кузнечный молоточек» с охрой на поверхности, клык кабана, бронзовая пронизь	Кенотаф
18	Селезни-2, 1/3 (Пряхин и др., 1998, с. 14-18; Пряхин, 2000, с. 82)	Бронзовый наконечник копья, 2 кремневых наконечника стрел, бронзовые шило и «жалыце», костяная пряжка, 2 астрагала животных	Кенотаф
19	Селезни-2, 1/4 (Пряхин и др., 1998, с. 18-24; Пряхин, 2000, с. 82-84)	13 кремневых наконечников стрел, ф-т костяного землеройного орудия, каменные «молоточек» и «молоточек-абразив», бронзовые нож, «жалыце» и шило, берестяное изделие с бронзовыми скобами, ф-т «обкладки», костяные пряжки (2) и «запонки» (2), астрагалы	Кенотаф
20	Софьино, 4/1 (Пряхин, Матвеев, 1988, с. 113-115; Усачук, Кузнецов, 2019, с. 124)	Кремневый наконечник стрелы в берестяном колчане (?), бронзовое шило, каменный молот (погребение нарушено, вероятно, землеройными животными)	В
21	Староюрьево, 2/1* (Пряхин, 1972, с. 235)	Кремневый и 2 костяных наконечника стрел, бронзовый нож	Кенотаф?
22	Филатовский курган, п. 1, северо-западный костяк (Синюк, Козмирчук, 1995, с. 46-47; Пряхин, 2000, с. 82-84; рис. 7)	Кремневый наконечник стрелы, костяная «лопаточка», 2 бронзовых ножа, скрепка, каменный «алтарик» с охрой, костяная «заколка» (погребение нарушено)	В
23	Филатовский курган, п. 1, юго-западный костяк (Синюк, Козмирчук, 1995, с. 46-47; Пряхин, 2000, с. 82-84; рис. 7)	Кремневый наконечник стрелы, бронзовый нож, костяная пряжка (погребение нарушено)	В
24	Филатовский курган, п. 1, юго-восточный костяк (Синюк, Козмирчук, 1995, с. 46-47; Пряхин, 2000, с. 82-84; рис. 7)	Костяной наконечник стрелы, костяная пряжка	В

Примечания

* Неясность с номером погребения см.: Усачук, 2013, с. 86, прим. 86.